

НОВАЯ ПОЛЬША 5/2004

Содержание

1. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
2. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: КНИГИ И ХРАМЫ
3. ПАМЯТЬ
4. ПРОВИНЦИЯ И ЦЕНТР
5. ВРЕМЯ РАССТАВАНИЯ
6. ПЕСНИ
7. ПЯТЬ ЛЕТ ВЫСТУПЛЕНИЙ В ПОЛЬШЕ, ЛЕГАЛЬНЫХ,
ПОЛУЛЕГАЛЬНЫХ
8. ЭПИТАФИЯ БРУНО ЯСЕНСКОМУ
9. О ЯЦЕКЕ КАЧМАРСКОМ
10. ПОЧЕМУ ХЕРБЕРТ
11. СТИХИ
12. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
13. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

□ Президент Александр Квасневский постановил, что выборы в Европейский парламент пройдут в Польше в воскресенье 13 июня. («Тыгодник повсехный», 21 марта)

□ По мнению Европейской комиссии, Польша готова к охране своей восточной границы. Досмотр будут осуществлять 1700 таможенников. Решение Брюсселя означает также, что в полночь с 30 апреля на 1 мая прекратится досмотр товаров на границе с Германией, Чехией, Словакией и Литвой. («Жечпосполита», 19 марта)

□ По данным опроса ЦИОМа, за вступление Польши в Евросоюз высказываются 62% поляков, а против — 29%. («Жечпосполита», 2 апр.)

□ Замминистра иностранных дел проф. Даниэль Ротфельд: «Вступление Польши в Европейский Союз — это исторический шанс преодолеть многовековое отставание. Это — решение под стать тому, которое принял в 966 г. [князь] Мешко I [связавший судьбу Польши с западным христианством]. Это определило место Польши на целое тысячелетие. Большинство поляков сознает это». («Тыгодник повсехный», 4 марта)

□ Благодаря удвоению дотаций Евросоюза на образовательные программы за границу поедут учиться не 5400, а почти девять тысяч польских студентов. Около тысячи школ (т.е. в два раза больше, чем до сих пор) примут участие в программе школьного обмена. («Газета wyborcza», 23 марта)

□ Сравнительный анализ государственных и частных школ, проведенный Эльжбетой Путкевич и Анной Вилкомирской по заказу Института социальных проблем, показал, что в Польше существует почти 1400 частных средних школ, гимназий и общеобразовательных лицеев. Хотя в них учатся лишь 2% учеников, во многих из этих школ возникают новаторские программы, учебники и методы обучения и воспитания. («Газета wyborcza», 10 марта)

□ «Из школьных и детсадовских столовых исчезли сосиски. Специалисты из Государственной санитарной инспекции не

рекомендуют есть их детям до 10 лет. В сосисках слишком много жира (30%) и воды (50%), а белков всего 9%. Качество мяса, из которого они изготавливаются, тоже оставляет желать лучшего». («Газета wyborcza», 20–21 марта)

□ Премьер-министр Лешек Миллер заявил, что 2 мая, после вступления Польши в Евросоюз, он подаст в отставку [ранее Миллер отказался от поста председателя парламентской фракции «Союза демократических левых сил» (СДЛС) в пользу Марека Дыдуха, а затем от поста председателя СДЛС в пользу Кшиштофа Яника]. Одновременно маршал Сейма Марек Боровский и еще почти 30 депутатов от СДЛС создали новую партию, получившую название «Польская социал-демократия». Основные пункты ее программы — это отмежевание от сотрясающих СДЛС афер, больше левизны, строгий нейтралитет в религиозных вопросах и проевропейская ориентация. («Тыгодник повшехный», 4 апр.)

□ Из интервью с Марекком Боровским: «Мы будем разъяснять, что тот путь [Польской объединенной рабочей партии и ПНР] — как в области экономики, так и, разумеется, в сфере политики — вел в никуда». («Жечпосполита», 30 марта)

□ По данным опроса ЦИОМа, 44% поляков с удовлетворением восприняли новость о предстоящей отставке премьер-министра Лешека Миллера. 60% считают, что главной причиной спада доверия к кабинету Миллера стали коррупция и темные дела с участием членов СДЛС. 40% усматривают причину в высокой безработице (в анкете можно было выбрать три ответа). («Жечпосполита», 10–12 апр.)

□ Кшиштоф Козловский, министр внутренних дел в правительстве Тадеуша Мазовецкого: «Заявление о предстоящей отставке Лешека Миллера было продиктовано отнюдь не давлением оппозиционных партий (...) Миллера скомпрометировали его ближайшие сотрудники, которым он доверял и которых он защищал. А его собственная партия отвернулась от него, когда перед ней замаячил призрак поражения на грядущих выборах (...) Если окажется, что значительная часть левых, и не только левых, действительно устала от господствовавшего до сих пор стиля правления, это будет оптимистический сигнал, свидетельствующий о том, что стандарты и ментальность ПНР наконец-то отмирают». («Тыгодник повшехный», 4 апр.)

□ Президент Александр Квасневский предложил занять пост премьер-министра проф. Марекку Бельке. Белька был экономическим советником президента, министром финансов

в правительстве Влодзимежа Цимошевича, вице-премьером и министром финансов в правительстве Лешека Миллера (с этого поста он вскоре ушел в отставку), а также директором по вопросам экономической политики во временной коалиционной администрации Ирака. Он демонстративно подчеркивает свою независимость от политиков и отрицательное отношение к их вмешательству в экономику. «Я не намерен разрушать экономику ради кратковременных выгод политиков правящих партий», — говорит Белька. («Газета выборча», 30 марта)

□ «Уже больше года быстро растущий объем экспорта ведет к улучшению конъюнктуры в польской экономике. Похоже, что после вступления Польши в Евросоюз экспорт может стать еще более мощной движущей силой нашего развития. Это касается прежде всего продажи за границу продуктов питания, торговля которыми перестанет регулироваться действующими до конца апреля ограничениями (...) Даже в нынешних условиях активное сальдо Польши в торговле продовольственными товарами со странами Евросоюза и ЦЕФТА (Центральноевропейской ассоциации свободной торговли) постоянно увеличивается». (Кшиштоф Бень, «Жечпосполита», 31 марта)

□ «Такой благоприятной ситуации в польской промышленности уже давно не было: в феврале объем продаж польских предприятий увеличился более чем на 18%». («Жечпосполита», 18 марта)

□ 331 млн. долларов инвестировали за границей польские фирмы в 2003 году. («Ньюсуик-Польша», 14 марта)

□ В 2003 г. стоимость прямых иностранных инвестиций в Польшу составила 5–6 млрд. долларов. Это самый низкий показатель за последние шесть лет. («Впрост», 14 марта)

□ Прибыльность экономической деятельности в Польше катастрофически мала — она составляет лишь 2 (два) процента. Число концессий и разрешений, необходимых для ведения экономической деятельности, уже перевалило за сто. Растет также число контрольных органов. Еще в 1997 г. их было 27, а теперь — уже 40. Собственная фирма перестала быть способом получить хорошую работу и высокую зарплату. (Ян Пинский, «Впрост», 28 марта)

□ Лешек Бальцерович: «Почти все плохие законы протаскиваются под лозунгами «защиты» и «поддержки». Государство должно «поддерживать» производителей. Однако

львиная доля этой «поддержки» попадает у нас в руки нерентабельных шахт и железных дорог. Польша предназначает самый большой в мире процент ВВП на «поддержку» инвалидов, но люди, по-настоящему обделенные судьбой, получают очень незначительную часть этих субсидий. Польское трудовое законодательство обеспечивает высокий уровень защиты работников от увольнений, что ведет к росту безработицы, так как предприниматели, предвидя трудности с увольнением, боятся легально принимать на работу новых людей». («Впрост», 14 марта)

□ По оценкам воеводских бюро по трудоустройству, в прошлом году в Польше нелегально работал миллион человек из стран бывшего СССР. Только у нескольких тысяч из них был шанс получить разрешение на работу. (Ян Пинский и Михал Зелинский, «Впрост», 21 марта)

□ «За несколько лет преобразований мы сменили черно-белые телевизоры на цветные, купили видеомагнитофоны и автоматические стиральные машины. Согласно данным Главного статистического управления (ГСУ), наши реальные доходы растут (...) Статистики ГСУ свидетельствуют также о все большем общественном расслоении (...) В 1989 г. лиц, получавших менее половины средней зарплаты, было 3,8%, а в 2002 г. — уже 18,4% (...) Однако это не меняет того факта, что средние доходы общества в целом, в т.ч. и самых бедных его групп, растут (...) Средние доходы ползут вверх, но доходы тех, кто стоит в структуре общества на нижних ступенях, растут медленнее всего. Расстояние между самыми богатыми и самыми бедными постоянно увеличивается». (Сильвия Шпарковская, «Жечпосполита», 8 марта)

□ Проф. Виктор Осятынский: «Общественные, материальные и экономические успехи, которых добилась Польша после краха коммунизма, несомненно огромны (...) Откуда же тогда столько недовольства? Может быть, в польской культуре потому так много неудовлетворенности, что у нас (особенно на землях, принадлежавших некогда России) нет модели, рассматривающей переход в средний класс как жизненный успех (...) Для поляка успех — это когда человек в считанные дни становится аристократом или миллионером. А каждый, кто зарабатывает на нормальную мещанскую жизнь среднего или низшего среднего класса, считает, что потерпел в жизни поражение, — особенно, если он видит Ковальского, ставшего миллионером. У него же самого есть только телевизор, машина и что-то там еще. В нашем обществе, где нет укорененного среднего класса и мещанства, недовольство представляет собой

плод наших амбиций — немного больных и неосуществимых». («Нове ксёнжки», март)

□ Директор Института истории социологической мысли при Варшавском университете Павел Спевак: «Социологи утверждают, что мы имеем дело с процессом остановившихся общественно-политических и экономических преобразований, что в Польше основной конфликт носит политический характер и что для большинства людей это конфликт между государством (политическими верхами) и гражданами (...) Диагноз кризиса ставят почти все политические партии, не исключая «Самообороны». Остается два вопроса: возникнет ли достаточно сильная коалиция сторонников преобразований и разглядят ли ее избиратели среди борющихся за голоса партий?» («Впрост», 14 марта)

□ «Список самых коррумпированных государств мира возглавляют беднейшие — Бангладеш, Нигерия, Гаити и страны бывшего Советского Союза (...) На другом конце списка — богатые государства с крепкой рыночной экономикой и демократической системой правления: Финляндия, Исландия, Дания. В середине, между Словакией и Китаем, расположилась Польша. Организация «Transparency International», сделавшая немало для чистоты общественной жизни, опубликовала доклад о положении с коррупцией в мире». (Кшиштоф Готсман, «Жечпосполита», 26 марта)

□ Закон, гласящий, что взяточдатель, который сам сообщит карательным органам о даче взятки, не несет уголовной ответственности, протащил в Сейме судья Януш Войцеховский, бывший председатель Высшей контрольной палаты, а ныне вице-маршал Сейма. Недавно он стал первым председателем крестьянской партии ПСЛ, не имеющим собственного хозяйства. Войцеховский — один из основателей фонда по защите прав животных. («Жечпосполита», 17 марта)

□ Согласно опросу ЦИОМа, в начале апреля «Гражданскую платформу» поддерживали 29% избирателей, «Самооборону» — 21%, «Право и справедливость» — 11, «Польскую социал-демократию» — 10, «Лигу польских семей» — 8, СДЛС — 7%. Правившая до сих пор коалиция СДЛС и «Унии труда» могла бы рассчитывать на 10% голосов. ПСЛ с 4% поддержки не вошла бы в Сейм. («Жечпосполита», 10-12 апр.)

□ «Самооборону» поддерживают 42% избирателей с неполным средним образованием. В то же время партии Анджея Леппера симпатизирует только 1% людей с высшим образованием и 8% предпринимателей. («Газета польска», 17 марта)

□ Депутаты «Самообороны» Станислав и Ванда Лыжвинские обворовывали государство, недоплачивая ему налоги. Теперь по решению радомского суда каждый из них должен заплатить по несколько тысяч злотых штрафа. В том же суде ожидает повторного рассмотрения второе уголовное дело активиста «Самообороны», в котором Лыжвинский обвиняется в препятствовании приведению в исполнение приговора в части имущественного взыскания. («Жечпосполита», 26 марта)

□ Сейм в очередной раз лишил Анджея Леппера депутатской неприкосновенности. За лишение председателя «Самообороны» законодательной защиты проголосовало 260 депутатов, против — 78, воздержалось — 33. Лишение неприкосновенности означает возможность привлечь депутата к уголовной ответственности. («Жечпосполита», 19 марта)

□ «Лидер «Самообороны» сделал карьеру благодаря преступному бездействию карательных органов и органов правосудия (...) На его счету 43 уголовных процесса, несколько из которых закончились обвинительными приговорами. Леппера приговаривали условно или же дело кончалось штрафом в размере 6 (шести) злотых». (Михал Зелинский, «Впрост», 28 марта)

□ Леппера создали политики — те, которые на протяжении пятнадцати лет боялись, что трудные реформы вызовут общественный бунт. (Станислав Зундерлих, «Ньюсуик-Польша», 21 марта)

□ Павел Спевак: «Оказалось, что крах коммунистической системы и ее преодоление — две совершенно разные вещи. Эта система, превращавшая людей в рабов и потребителей, проникла в человеческие души глубже, чем можно было ожидать. Она скрывается в болезненной подозрительности, кормится претензиями, пресыщается сознанием несчастья и готовностью обвинять других, прячется в ностальгии по ПНР (...) На этих отложениях ресентимента и несчастья и вырос Анджей Леппер». («Впрост», 28 марта)

□ «Анджей Леппер все ближе к власти. Начинают вырисовываться совершенно реальные сценарии какой-нибудь правящей коалиции с участием «Самообороны» (...) Явная демагогия и популизм Леппера, которые до недавнего времени исключали его из круга уважающих себя политиков, уже не препятствуют созданию коалиций с «Самообороной»: политики перестали себя уважать и наперегонки упражняются в лепперовской риторике». (Янина Парадовская, «Политика», 20 марта)

□ «В мире бизнеса никого не удивляет, что люди из списка ста самых богатых [поляков] ищут контакт с Анджеем Леппером (...) Бизнес рассчитывает на то, что все будет не так уж плохо, что, придя к власти, Леппер — как это уже не раз случалось с популистами — окажется более благоразумным. А тогда можно будет заключить с ним сделку (...) Среди советников «Самообороны» есть много людей с пээнэровским прошлым (...) Становится все яснее, что Леппер принесет Польше не столько революцию, сколько продолжение, т.е. пойдет по стопам Миллера». (Михал Карновский, Амелия Лукасяк и Петр Заремба, «Ньюсуик-Польша», 20 марта)

□ «У «Самообороны» нет серьезных шансов править Польшей, но, увы, у нее есть шанс провести в Европарламент значительную группу своих депутатов». (Вальдемар Кучинский, «Газета wyborcza», 30 марта)

□ В четверг Анджей Леппер встретился в резиденции «Самообороны» с послом Великобритании в Польше Чарльзом Кроуфордом. Британское посольство подтвердило, что такая встреча действительно имела место, так как посол «хотел познакомиться с Леппером». («Газета wyborcza», 9 апр.)

□ «4 мая [в Варшаве] состоялся концерт всемирно известного хора Александрова. Приглашенных представителей государственной власти — маршала Сейма Марека Боровского, вице-премьера Юзефа Олексы, министра культуры Вальдемара Домбровского, а также полевого епископа Войска Польского Славоя Лешека Глудзя — приветствовал конферансье Богуслав Качинский (...) Концерт часто прерывался громкими аплодисментами и овациями. Восторженная публика бросала на сцену цветы. В конце артистов поблагодарил от имени зрителей Анджей Леппер, вручив всему коллективу корзину цветов в российских национальных цветах, а танцевальному ансамблю — букеты. Публика поддержала этот жест благодарности громкими аплодисментами. Очень жаль, что поблагодарить хор не решился ни один из приглашенных официальных представителей Сейма и правительства Польши». («Газета wyborcza», 12 марта)

□ Число польских граждан, высланных в 1940 г. с восточных земель Польши в глубь Советского Союза, можно считать окончательным — это 297 280 человек, заявил в Институте национальной памяти начальник архива ФСБ России генерал Василий Христофоров. Статистику ссылок дополняют следующие цифры: в 1940 г. «малая высылка» коснулась 35 541 семьи, а в июне 1941 г. в глубь СССР было выслано около 40 тыс. польских граждан. По словам российских архивистов, в

хранилищах ФСБ, к сожалению, не удалось отыскать именные списки высланных. («Жечпосполита», 31 марта)

□ Из России поступает 90% нефти, перерабатываемой на польских нефтеперегонных заводах, и 70% газа, закупаемого концерном «Польская нефте- и газодобывающая промышленность». («Жечпосполита», 3-4 апр.)

□ Из девяти государств, лежащих на берегах Балтийского моря, только Россия не согласилась, чтобы Балтика получила особый защитный статус, благодаря которому для транспортировки нефти использовались бы исключительно танкеры высокого стандарта. Бульшую часть российской нефти перевозят через Балтику танкеры «дешевых флагов» (Панама и Либерии), находящиеся в плохом техническом состоянии. Нежелание России укрепить экологическую безопасность Балтийского моря за счет уменьшения прибыли от продажи нефти особенно беспокоит Польшу и Литву. Территориальные воды этих государств граничат с территориальными водами калининградского анклава. («Газета wyborcza», 6 апр.)

□ По предложению восьми прибалтийских государств (за исключением России) Балтийское море получило особый статус. Решение об этом принял Комитет защиты морской среды Международной морской организации. Особый статус позволяет прибалтийским странам применять особые навигационные правила, касающиеся танкеров — прежде всего качества судов, их технического состояния и компетентности команды. («Жечпосполита», 9 апр.)

□ Анджей Вайда после премьеры своего спектакля «Бесы» в московском театре «Современник»: «Я уверен, что Достоевский хотел видеть Россию среди европейских народов. Поэтому его слова должны быть услышаны (...) Достоевский сумел разглядеть предвестие будущих общественных экспериментов в таком незначительном событии, каким был в России XIX века процесс Нечаева. Такие процессы совершаются до сих пор, но нет Достоевских, которые поняли бы их значение. Достоевский мастерски описал, как легко манипулировать людьми». («Газета wyborcza», 17 марта)

□ Примас Польши кардинал Юзеф Глемп после встречи с митрополитом смоленским и калининградским Кириллом: «Не было речи о приглашении Алексия II в Польшу во время визита Иоанна Павла II». Митрополит Кирилл (...) самый высокопоставленный русский православный иерарх, посетивший Польшу. Алексей II не был в нашей стране — в отличие от Патриархов Константинопольского,

Александрийского, Сербии и Румынии. («Газета wyborcza», 29 марта)

□ «Новым председателем Конференции Епископата Польши избран архиепископ Юзеф Михалик. В тайном голосовании он лишь в третьем туре незначительным большинством голосов опередил архиепископа Станислава Гондецкого, который в результате стал его заместителем (...) Михалик и Гондецкий олицетворяют два различных взгляда на Церковь и Польшу. Первый симпатизирует польским правым, критикует Евросоюз и выискивает масонские заговоры. Его заместитель — сторонник открытой Церкви, активный участник христианско-еврейского диалога, сторонник европейской интеграции». [На протяжении последних 23 лет председателем Конференции Епископата Польши был примас Юзеф Глемп. Теперь этот пост можно занимать не больше двух пятилетних сроков. — Ред.] (Миколай Лизут, «Газета wyborcza», 19 марта)

□ В Ломжинской епархии настоятели, имеющие сельскохозяйственные участки, будут ходатайствовать о получении прямых дотаций Евросоюза. Согласно распоряжению епископа Станислава Стефанека, настоятели должны получить идентификационные номера производителей в Государственном агентстве реструктуризации и модернизации сельского хозяйства. («Тыгодник powszechny», 28 марта)

□ Томаш Миськевич стал первым послевоенным муфтием Мусульманского религиозного союза Польской Республики. Союз существует с 80-х гг. и насчитывает около 5 тыс. членов. В основном это польские татары. («Газета wyborcza», 22 марта)

□ ««Ислам явно начал привлекать молодых поляков (...) Среди новообращенных мусульман больше всего научных работников, студентов, артистов», — говорит имам Томаш Миськевич (...) Сегодня в Польше уже около двух тысяч мусульман-поляков, и это число продолжает расти (...) появляются школы арабского языка и другие средства информации — например, интернет-портал arabia.pl. Раньше на арабистику шли только энтузиасты. Сегодня факультеты арабистики переживают настоящую осаду. В прошлом году в Варшавском университете на одно место претендовало 20 кандидатов». (Шимон Холоня, «Ньюсуик-Польша», 14 марта)

□ По данным британской разведки, Польша входит в число пяти государств, называемых целями повышенного риска из-за вероятности нападения террористов. Опасность расценивается как реальная, так как Польша полностью

поддержала войну против иракского режима и имеет в Ираке двухтысячный контингент. Усама бен Ладен упомянул Польшу в числе стран, которые должны ожидать «расплаты». По мнению аналитиков, для теракта в Польше будет использовано химическое или биологическое оружие. Как британскую, так и американскую разведку беспокоят связи террористических организаций вроде «Аль-Каиды» с бывшими офицерами польской коммунистической разведки, которые теперь служат в этих организациях в качестве высокооплачиваемых «советников» и «консультантов». Эти контакты — результат их прежнего сотрудничества с такими группировками, как «Хезболлах» и Организация освобождения Палестины. Террористы, которые нападут на Польшу (если это произойдет), скорее всего будут принадлежать к группе новых рекрутов «Аль-Каиды», состоящей исключительно из белых (не арабов), обратившихся в ислам. (Гордон Томас, «Впрост», 28 марта)

□ Синагоги в Белостоке, Лодзи, Кракове и Варшаве, а также католические храмы должны были стать целью терактов в рождественско-новогодний период. Полученные в ноябре 2003 г. сигналы о планируемых нападениях на «евреев и крестоносцев» с указанием вышеперечисленных объектов положили начало операции Агентства внутренней безопасности. С того времени спецслужбы обнаружили в Польше более 70 иностранцев, подозреваемых в связях с террористами. («Жечпосполита», 26 марта)

□ Начальник Агентства разведки Збигнев Семёнтковский: «Мы провели серию превентивных задержаний, а также несколько операций, в результате которых Польшу была вынуждена покинуть группа лиц, подозреваемых в том, что они пребывали на польской территории не только в учебных или туристических целях». («Жечпосполита», 15 марта)

□ «В Польше нет магазинов, в которых можно было бы купить исправный противогаз или специальное оборудование, защищающее от последствий применения химического и биологического оружия. Варшавская фирма ТБГ начала продавать индивидуальные спасательные комплекты (...) Фирма уверяет, что поглотитель респиратора из комплекта защищает от сибирской язвы, однако специалисты не хотят это комментировать. Та же фирма предлагает всем желающим приобрести... парашюты для людей, живущих или работающих в многоэтажных зданиях». (Войцех Чухновский, «Газета wyborча», 19 марта)

□ После терактов в Москве и Мадриде в варшавском метро было введено положение повышенной готовности. По ночам на

станциях и в туннелях проходят антитеррористические учения. Днем в поездах метро ездят полицейские агенты в штатском. («Жечпосполита», 22 марта)

□ В связи с возможными терактами полиция проверяет сотни сигналов, поступающих со всей страны. («Жечпосполита», 23 марта)

□ По мнению Бронислава Геремека, у террористов «Аль-Каиды» «идеология ненависти сочетается с эффективным использованием всевозможных интеллектуальных средств, созданных западной цивилизацией. Лидеры «Аль-Каиды» действуют так, словно они выпускники Массачусетского технологического института, Гарварда или знаменитых французских школ, способные применить в политике все доступные методы современной техники, а также принципы математики и логики. Теракт в Мадриде поражает прежде всего тем, что террористы верно рассчитали слабости европейской политики». («Газета выборча», 20–21 марта)

□ «Мы были введены в заблуждение информацией об оружии массового уничтожения в Ираке», — сказал президент Александр Квасневский. Однако польский президент выступает против преждевременного вывода польских войск из Ирака: «Если это будет означать возобновление войны, этнических чисток, агрессии против соседних государств, то какой в этом смысл?» («Газета выборча», 19 марта)

□ «У Польши есть дополнительный (финансовый) повод не спешить с передачей нашего сектора [в Ираке под командование] НАТО. Пока он в наших руках, американцы связаны обещанием финансовой помощи нашим войскам, которая оценивается более чем в 200 млн. долларов». (Роберт Солтык, «Газета выборча», 2 апр.)

□ В июле польская армия примет в свои ряды более трех тысяч профессиональных рядовых. В первую очередь они попадут в подразделения сил мгновенного и быстрого реагирования. («Жечпосполита», 1 апр.)

□ С помощью иракцев польские солдаты поймали пятерых террористов, убивших двух американцев из коалиционного командования. («Газета выборча», 11 марта)

□ Польские военнослужащие ликвидировали тренировочный лагерь иракских террористов, обнаружив при этом 8 тонн взрывчатки. В другом арсенале террористов поляки нашли 600 противопехотных мин и 30 минометных снарядов. «Такие

операции возможны благодаря сведениям, получаемым нами от иракцев», — сказал командир польской бригады ген. Эдвард Грушка. («Жечпосполита», 15 марта)

□ Польские солдаты совместно с иракскими полицейскими арестовали 22 террориста. В перестрелке четверо террористов получили ранения. Один из них умер в госпитале. В тайнике было найдено оружие, боеприпасы и взрывчатые вещества. («Жечпосполита», 2 апр.)

□ «Польская гуманитарная акция» предназначила на восстановление Ирака 1,2 млн. долларов. С июля 2003 г. ПГА отремонтировала 10 школ, 16 молодежных центров, 6 водозаборов, а также построила 5 восьмилетних школ. («Газета выбора», 6 апр.)

□ Солдаты польского воинского контингента КФОР в Косове попали в албанскую засаду. Их забросали камнями и бутылками. Инцидент произошел в 2,5 км от базы польско-украинского батальона. («Жечпосполита», 19 марта)

□ Секретари Советов национальной безопасности Белоруссии, Польши, России и Украины Геннадий Невыглас, Марек Сивец, Олег Чернов и Владимир Радченко встретились на совещании в Кракове. Главной темой стал вопрос доверия к России, подорванного недавним перерывом в поставках российского газа. Кроме того Польша получила приглашение участвовать в антитеррористических учениях, организуемых тремя остальными государствами «славянской четверки». («Пшеглэнд православный», апрель)

□ Вице-премьер Украины Дмитрий Табачник: «Проблемы [в польско-украинских отношениях] есть, но конфликта — такого, как спор между Россией и Украиной об острове Тузла, — между нами нет». («Газета выбора», 30 марта)

□ Взаимный доступ к фондам и возможность копировать книги на компакт-диски — таковы основные положения уникального договора о сотрудничестве, подписанного директором вроцлавского Национального института им. Оссолинских Адольфом Юзвенко и директором Львовской научной библиотеки Миколой Романюком. В львовской библиотеке хранится оставшийся во Львове книжный фонд библиотеки Оссолинских. («Жечпосполита», 5 апр.)

□ Визит президента Александра Квасневского на Украину должен был продлиться три дня, однако из-за политической ситуации в Польше его пришлось сократить до 24 часов. В

программе визита остались встречи с Леонидом Кучмой, премьер-министром Виктором Януковичем и представителями украинской оппозиции. В рамках Года Польши на Украине, открытие которого было главной целью визита, будут представлены не только польская культура и история — пройдет также польско-украинский экономический форум и конференция, посвященная вступлению Польши в Евросоюз. («Жечпосполита», 31 марта)

□ Президент (мэр) Варшавы Лех Качинский мечтает о создании в столице специального приюта для кошек. Вот что он говорит об этом: «Кошки — это такие животные, которые плохо чувствуют себя в приютах. Следовало бы переселить их из блочных микрорайонов, где они постоянно встречаются с агрессией. Они нуждаются в нескольких гектарах территории с деревьями, кустами, теплыми местами для сна и специальной оградой. Я бы хотел, чтобы в Варшаве возник такой центр. Однако стоимость такой инвестиции наверняка была бы немалой». («Газета wyborcza», 9 марта)

□ Всепольское общество охраны животных «Animals» и одноименная телевизионная программа проводят кампанию по поиску хозяев для собак и кошек из приютов. Для большинства животных приют означает приговор к пожизненному одиночеству в тесных бетонных помещениях. Согласно последнему отчету главного ветеринара, только каждая вторая собака и каждая четвертая кошка находят себе нового хозяина. («Газета wyborcza», 24 марта)

□ «Такого разрушения рек в Польше не было уже полтора десятка лет. Польское отделение Всемирного фонда дикой природы (WWF) насчитало уже несколько десятков рек, русла которых выпрямляются, углубляются и выкладываются бетоном». (Элиза Квятковская и Адам Вайрак, «Газета wyborcza», 16 марта)

□ «Протест одного человека на много месяцев задержит строительство [в Варшаве] Северного моста. Веслав Новицкий, сотрудник Польской академии наук и активист Всепольского общества охраны птиц говорит: «Прежде всего речь идет о том, чтобы там [на Северном мосту] не было — так, как на Секерковском, — металлических тросов, о которые разбивается множество птиц. Во-вторых, наше общество протестует против регуляции русла Вислы на слишком большом расстоянии от нового моста»». (Кшиштоф Сметана, «Газета wyborcza», 9 марта)

□ Когда два года назад поляки вели в Брюсселе шумную борьбу за дотации для крестьян, мальтийцы потихоньку протащили на переговорах противоречащее законодательству Евросоюза положение, разрешающее им охотиться на птиц в период весенних перелетов. Ежегодно на Мальте убивают 2–3 млн. перелетных птиц, возвращающихся в Европу с юга и задерживающихся передохнуть на этом средиземноморском острове. Среди них есть множество видов, гнездящихся в Польше, — например, жаворонки и соловьи. На Мальте они считаются традиционными блюдами местной кухни. (Войцех Рогатин, «Ньюсуик-Польша», 12 апр.)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: КНИГИ И ХРАМЫ

Всю последнюю неделю марта я провел в Санкт-Петербурге, который уже готовился праздновать 301 год своего существования, что будет отмечаться 27 мая 2004 года. Я жил в отдаленном и далеко не роскошном уголке Васильевского острова, в студенческом общежитии на улице Тараса Шевченко. В коридорах было слышно, как студенты из Венгрии, Франции, Ирландии говорили по телефону со своими русскими товарищами, не слишком тревожась о своем ломаном языке. К сожалению, я не видел в Петербурге ни одного студента из Польши.

Дзержинский и Бердяев

Я был здесь уже в третий раз. Первое путешествие я совершил в январе 1993 г., когда еще казалось, что Россия освободится от коммунизма без малейшего кровопролития. Я ходил по магическим для меня местам Пушкина, Набокова, Бродского, Достоевского. Вот Сенная площадь, где происходили такие важные события в «Преступлении и наказании»... В начале 1993 го площадь, конечно, уже не выглядела так, как во времена Раскольникова (об этом позаботился Хрущев, при котором снесли хотя бы чудесную Спасскую церковь), но все равно я слышал эхо «проклятых вопросов». А если бы у меня было немного больше времени, то наверное посидел бы я часок в каком-нибудь постсоветском трактире, таком же заскорузлом и закопченным, как трактиры времен Достоевского. Может, прислушался бы к спорам о проклятых вопросах, может, снова услышал бы лихорадочный голос Раскольникова, которому после первого разговора с процентщицей Аленой Ивановной «захотелось выпить холодного пива»? Мрачное впечатление произвела на меня Гороховая улица, еще недавно улица Дзержинского, та самая, на которой наш гнусно прославленный соотечественник издавал приказы о расстреле тысяч «контрреволюционеров».

В богатых книжных магазинах Санкт-Петербурга уже тогда было видно, что коммунизм в России кончается. Многочисленными изданиями своих книг прежде всего обращал внимание Бердяев. Я тогда припомнил, как в автобиографии «Самопознание» он вспоминал свой первый

арест в советской России. В 1920 г. в московской тюрьме ЧК его допрашивал сам Дзержинский. Мыслитель прочитал чекисту часовую лекцию о религиозных, философских и нравственных основах своего противостояния коммунизму. Во время второй встречи с большевиками, в 1922 г., Бердяев узнал, что вскоре будет выслан за границу вместе с группой писателей, ученых и политиков, которых сочли не поддающимися обращению в коммунистическую веру. На прощание он услышал от одного из «обращенных»: «В Кремле надеются, что, прибыв в Западную Европу, вы поймете, на чьей стороне правда». В 1993 г. Бердяев с триумфом возвращался в Россию своими книгами. Ленинград с 1991 г. уже снова назывался Санкт-Петербургом, и в этом городе уже не было места улице Дзержинского.

Несчастливая экспедиция АД 1998

Я очень многого ожидал от своей второй поездки в Петербург — в июле 1998 года. Тогда я полетел с важными лицами, в частности, с живо интересующимся Россией Богданом Клихом, ныне депутатом Сейма и кандидатом в Европарламент, на польско-российский форум. Он должен был быть посвящен деятельности НПО в обеих странах, вопросам самоуправления и образования в Польше и России на рубеже XX и XXI веков. Организаторов с российской стороны должна была представлять Галина Старовойтова, которая за несколько месяцев до этого гостила в Кракове и, как говорят, полюбила наш город. Мы поселились все вместе в гостинице «Нева» на улице Чайковского, напротив мрачного Большого дома, известного сталинскими допросами и преступлениями. Гостиницу подобрали крайне неудачно — никогда не хотелось бы мне туда вернуться.

А главное, наша экспедиция совершенно провалилась. Парень, представлявший Старовойтову (или, по крайней мере, выдававший себя за такового) немедленно потребовал выплаты, если хорошо помню, пяти тысяч долларов. Нет, это не было чрезмерным требованием, так как поляки действительно обещали покрыть все расходы по конференции. Трудность была в другом: мы же не привезли в Россию кучу денег в чемодане. Клих надеялся, что после конференции возглавляемый им Международный центр развития демократии, помещающийся на Миколайской улице в Кракове, сможет оплатить расходы банковским переводом. Но российские организаторы на это не согласились, и не помогли отчаянные телефонные звонки Галине Старовойтовой. Конференция в результате не состоялась, а тех карманных денег, что я забрал из Кракова на

покупку книг в Петербурге, не хватило даже на трое суток в мрачной гостинице «Нева».

Меня тогда спас Володя Белоус, историк идей, знаток русской мысли. В своей комнате, лишь чуть побольше, чем каморка Раскольников («Каморка его приходилась под самую кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру»), он предоставил мне на несколько ночей раскладушку. И я разгуливал по книжным магазинам, а книги тогда стоили в Петербурге столько же, сколько в Польше, то есть дорого. Я купил «Дневник» Михаила Булгакова, «Золотую книгу русской эмиграции» за сумму, равную 50 злотым, «Беседы с Альфредом Шнитке» и еще четыре десятка книг. Вернувшись в Краков, собирался писать заказанный репортаж в «Плюс-Минус».

В репортаже я собирался доказывать неизбежный успех реформ в Российской Федерации, но, слава Богу, так и не написал. Я говорю «слава Богу», потому что полностью заблуждался в вопросе российских экономических реформ. Три недели спустя наступило трагическое падение рубля, которое в России теперь называют «дефолтом». Рядовые граждане потеряли тогда сбережения всей своей жизни. Но, что интересно, заблуждался не я один, а еще и большой круг экономистов в России и в Польше. Они повели себя как сейсмологи: начали доказывать неизбежность финансового землетрясения в Москве лишь тогда, когда оно произошло.

Цены на книги и выпивку

Тогда буквально в один момент подешевели книги. За ту немалую сумму, которую в июле 1998 г. я истратил на сорок наименований, после краха я смог купить их, наверно, полтора. Потом я интенсивно наверстывал упущенное каждый раз, когда ездил в Россию в 1999–2003 гг., уже, правда, не в Петербург, а в Москву, Ярославль, Нижний Новгород и Казань. Но в 2004 г. книги в Санкт-Петербурге оказались такими же дорогими, как в несчастном 1998 м. Это может быть сигналом, что Путин, опирающийся российскую экономику на высокие цены экспортируемой нефти, при случае — волей-неволей! — искусственно завышает рубль. Несколько последних лет российская валюта не только ничего не теряет по отношению к доллару — а в последнее время и к евро! — но даже приобретает. Это выглядит так, словно в России деньги получше вытесняются деньгами похуже. За доллар сегодня можно получить 28 рублей, а банкомат выдает прищельцу из Польши 7,5 руб. за злотый. Книги же, бывает, стоят не только 200 рублей (например, отличная «История русской

журналистики. 1917–1920» Ивана Кузнецова, вышедшая в 2003 г.), но и 330 («Сергей Булгаков. Pro et contra», 2003) и даже 400 (словарь «От Распутина до Путина», 2003) или, наконец, 560 (увлекательная «Энциклопедия русского авангарда» Татьяны Котович, изданная в Минске в 2003 г.).

И уже не из-за внушительной цены (690 руб.), но из-за веса (не меньше трех кило) не купил я и не привез в Польшу книгу под названием «Многонациональный Петербург» с богатой иконографией и весьма убогим текстом. По сей день жалею об этом малодушном решении, а книга снится мне по ночам. Лучше было оставить на берегах Невы (или даже продать) весящую и стоящую столько же, сколько «Многонациональный Петербург», литровую бутылку водки-люкс «Русский стандарт». Нет, я ее не покупал, упаси Боже... Получил в подарок от российских организаторов дискуссионного форума «Польша — Россия. Неразрывность культурных связей», проходившего 26 марта 2004 г. в Петропавловской крепости. Для порядка прибавлю, что такие подарки раздавали всем участникам форума, но только после целого дня плодотворной дискуссии.

Форум у Петра и Павла

Этот второй форум польско-российского диалога состоялся, как и обещали организаторы с российской стороны, «в анфиладе казематов Невская куртина». Рядом с нами в Петропавловской крепости — Васильевская куртина, а перед ней — Алексеевский равелин, мрачная царская тюрьма, где в XVIII–XIX вв. держали многих достойных русских людей (декабристов, петрашевцев, в том числе Достоевского), а из поляков — Тадеуша Костюшко после поражения под Мацеёвицами.

О петербургском форуме следует написать отдельно, и, будучи его участником, я предпочел бы этого не делать. Упомяну лишь выступление Адама Михника, одного из организаторов и участника дискуссии с польской стороны. Он выразил понятную радость, что ему довелось дискутировать с русскими в Петропавловской крепости, а не сидеть здесь за решеткой. Он напомнил, что в 70–80-е гг. XX века был признан — добавим, вполне справедливо — опасным врагом Советского Союза... Потом мне выпал случай попросить русских друзей (а среди них были, например, новый главный редактор «Огонька» Виктор Лошак, посол РФ в Польше Николай Афанасьевский и бывший министр культуры Михаил Швыдкой), чтобы они признали наше право радоваться необратимому демонтажу Страны Советов. С удовлетворением я отметил, что некоторые участники дискуссии с российской стороны даже с одобрением кивнули. Тем не менее главный редактор «Газеты выборчей»

дипломатически смягчил мои слова: «Я понимаю печаль многих русских после крушения СССР. Если бы Польша совсем недавно тоже простиралась от моря до моря, а власть в империи на 80% была в руках поляков, разве мы не испытывали бы ностальгии после ее утраты?»

Дадим одним право на радость, а другим — на печаль, советская империя так и так ушла в историю. Одно из доказательств — вышеупомянутая польско-российская встреча в Петропавловской крепости. Ее продолжение наступит в мае этого года на Международной книжной ярмарке в Варшаве, где гостем будет современная русская литература. В Польшу приедут писатели и переводчики из России, в том числе Ксения Старосельская, переводчица Марека Хласко, Тадеуша Конвицкого, Ольги Токарчук, Корнеля Филиповича.

Экуменизм, но ослабевший

В марте 2004 г. я обходил стороной в Петербурге все, что уже довелось посмотреть в предыдущие приезды: Эрмитаж, Русский музей, Медного Всадника, Исаакиевский собор, храм Спаса-на-Крови и т.д. Однако Санкт-Петербург хорош не только для того, чтобы осматривать памятники культуры и истории высшего класса да православные храмы, — он создает неповторимую возможность побывать в храмах других великих религий мира, которые в согласии жили на берегах Невы с самого начала.

После Горбачева и крушения СССР все религии здесь возрождаются — эти слова относятся и к русскому православию. Ни в одной из православных церквей, где я побывал, я не заметил следов столь изобильной здесь еще несколько лет назад антикатолической или антипротестантской литературы. Зато я мог взять в руки интересные издания по православной духовности и эсхатологии («Как проводит душа первые сорок дней по исходе из тела», 2004), о реформах Русской Церкви в начале XX века и на пороге XXI го. Это невероятно поучительное чтение — видно, что в Церковь уже приходит правосознание, даже практическое. Три автора-юриста объясняют православным, как не позволить себя обмануть при покупке квартиры («Практические советы юриста православным», 2003). Полезной представляется даже московская публикация «Признаки Антихриста» (2002), приводящая классические отрывки из Иоанна Златоуста, Кирилла Иерусалимского, Ефрема Сирина. В ней, к счастью, нет — ибо так бывало в подобных публикациях еще в середине 90 х — ни малейшего намека на «антихристов Папу» и «безбожный Рим»...

Произведений Иоанна Павла II здесь, правда, еще нет, но их можно купить во многих университетских книжных лавках. Я видел совсем недавно вышедшее избранное Войтылы — Иоанна Павла II, составленное и переведенное Еленой Твердисловой.

После этого я мог пуститься в странствие по неправославным храмам Санкт-Петербурга. Сначала побывал в трех римско-католических — в кафедральном соборе Успения Пресвятой Девы Марии на Первой Красноармейской, Матери Божией Лурдской в Ковенском переулке и самом известном, св. Екатерины Александрийской, на Невском проспекте. Тут я нашел 10 й номер католической газеты «Свет Евангелия» от 7 марта 2004 года. К сожалению, информация на первой странице ослабила мои экуменические восторги. Я узнал, что Международный форум мира, проходивший в Москве 2-4 марта, на который, по словам организаторов, пригласили «духовных лидеров всех традиционных религий стран СНГ», состоялся все-таки без католиков.

Быть может, в будущем такие форумы надо созывать на берегах Невы? В последние годы тут весьма активно действуют синагога, мечеть, буддийский храм, ожили лютеранско-евангелические приходы (немецкий, финский и шведский). Беспрепятственно развиваются вышеупомянутые римско-католические приходы и армянская церковь на Невском. Я побывал везде — путешествие по «инославным» (т.е. не православным) священным местам Санкт-Петербурга заняло у меня целых три дня. И это экуменическое странствие я считаю самым интересным за всю свою жизнь, а ведь я уже ходил подобными тропинками в Париже, Мюнхене и Риме, в Софии и Пловдиве, в Москве и Казани.

Мусульмане и буддисты

Начал я с мечети, одной из самых больших в Европе, где во время службы может поместиться целых пять тысяч человек. Ислам в Петербурге тесно связан с татарами, которые прибывали сюда из Казани, Пензы, Касимова и Нижнего Новгорода еще при Петре I на строительство города. В 1882 г. тогдашний оренбургский муфтий обратился к российским властям за позволением построить мечеть в столице. Позволение он получил, а как место под строительство выбрали площадь на Петроградской стороне, напротив Петропавловской крепости. Здесь в XVIII веке находилась татарская слобода. Деньги на строительство выложил Саид Абдул-Ахад, бухарский эмир, а затем генерал на царской службе. Огромная высокая мечеть была воздвигнута в Санкт-Петербурге в 1912 году.

Построили ее, о чем стоит напомнить, по проекту польского архитектора Стефана Кричинского.

В 1956 г., после сталинских гонений, петербургские мусульмане получили свой храм, который до этого использовался как склад медицинского инструментария. Однако настоящее возрождение ислама наступило в России в 90 е годы. Наряду с татарами на берегах Невы появились мусульмане из Азербайджана и с Северного Кавказа...

В воскресенье 28 марта пополудни в мечети молились трое мужчин, один из них был в мундире российской армии (может быть, ему пришлось воевать против кавказских братьев?). Другой, явно татарин, подошел ко мне, приветствуя меня по-мусульмански. Когда он узнал, что я из Польши, то произнес теплые слова об Иоанне Павле II, примерно такие: «Мы его любим, он много сделал для мира между религиями и людьми». В разговор, который мы вели по-русски, он все время вставлял польские и украинские слова. На прощание мы — он, татарин, и я, поляк, в мусульманском храме в Петербурге AD 2004 — сказали друг другу по-украински: «До побачення».

На следующий день я поехал на метро еще дальше на север города, на станцию «Старая Деревня», расположенную уже почти у Финского залива. Я хотел посетить буддийский храм, о котором за неполный год до этого взволнованно рассказывал мне в Кракове — за месяц до своей внезапной смерти — мой петербургский друг Влад Аржанухин. Я знал от него, что буддийский храм в Петербурге стоит на перекрестке Приморского проспекта и Липовой аллеи. Центральным фасадом здание выходит на Большую Невку, один из рукавов дельты Невы, которая через два километра впадает в Финский залив.

Буддийская колония на берегах Невы возникла в начале XX века. Состояла она из бурят и калмыков, прежде всего выходцев из буддийских областей империи — Забайкалья, Астраханской и Ставропольской губерний. После манифеста 17 октября 1905 г., которым Николай II гарантировал свободу совести и вероисповедания, буддисты наконец могли построить себе храм, как давно хотели. Инициатором был тогдашний тибетский Далай-лама. В Санкт-Петербурге он нашел поддержку у выдающихся тибетологов, в частности, у известного ныне во всем культурном мире Николая Рериха. 21 февраля 1913 г., то есть в день празднования 300 летия дома Романовых, состоялось первое религиозное собрание буддистов в новопостроенном храме — «дацане».

Большевики ненавидели любую религию, и в середине 30 х гг. начались аресты российских буддистов. Хрущев их тоже не баловал, не говоря уж о Брежнев. Только после принятия при Горбачеве закона о свободе совести буддисты в 90 е годы обрели свой дацан в Санкт-Петербурге и теперь могут отправлять здесь свой культ. Буддийский храм весьма гостеприимен, что ощущает всякий, кто переступит его порог. Трудно передать словами ту энергию, которая охватывает человека, когда, сняв обувь, он Польши?» Она мягко улыбнулась при упоминании Польши, обрадовалась, что я немного знаю историю буддийской Калмыкии, соседствующей с кавказскими мусульманскими республиками, и ответила: «Да, все. Жаль, что вы не можете прийти в субботу, когда на молитвенном собрании появится обучающаяся в петербургских вузах калмыцкая, тувинская и бурятская молодежь».

Добавлю, что буряты организовали в подвалах дацана уютную столовую. Здесь угощают зеленым чаем с молоком за четыре рубля. Можно пить чай в компании буддийских монахов в бордовых одеждах, под звуки успокоительной тибетской музыки.

Синагога и Достоевский

Пожалуй, каждый знает, что православный петербуржец Федор Достоевский весьма резко — и даже с особым, совсем не христианским остервенением — выступал против евреев и иудейства. Когда однажды он в пух и прах проигрался на рулетке в Висбадене, то выбежал весенним вечером на улицу в поисках православной церкви. В письме жене (кстати, лютеранке) от 28 апреля 1871 г. он так писал об этом: «...я заблудился в городе и когда дошел до церкви, которую принял за русскую, то мне сказали, что это не русская, а жидовская. Меня как холодной водой облило». Любопытно, что в то же самое время в Петербурге — и это могло бы довести Достоевского уже до приступа эпилепсии — тамошние евреи упорно добивались разрешения построить синагогу. После множества пертурбаций она в конце концов была воздвигнута под конец 1886 г., уже почти через шесть лет после смерти Достоевского, и стоит по сей день на перекрестке Лермонтовского проспекта и улицы Декабристов, недалеко от Сенной площади.

В советской России и СССР верующих евреев преследовали так же, как всех верующих, а под конец сталинской эры начались гонения на евреев вообще. Когда в середине 1950 х Георгий Печерский, тогдашний староста синагоги, обратился к ленинградским властям с просьбой разрешить организацию

курсов по изучению истории еврейского народа и древнееврейского языка, то получил категорический отказ. А в 1961 г. был арестован и приговорен к 12 годам лагеря. Этот процесс положил начало жесткой антисемитской и антирелигиозной политике, которую власти проводили до середины 1980 х. В 1962–1964 гг. в Ленинграде даже запретили выпекать мацу. Тогда же было запрещено хоронить на еврейском преображенском кладбище («Религии Санкт-Петербурга», ред. Владислав Аржанухин. СПб, 2002).

Еврейская община здесь начала динамически возрождаться и развиваться в 1991 году. Тогда отреставрировали и замечательно реконструировали синагогу. Когда я входил туда, мне пришлось сначала пройти во дворе мимо милиционера, охранявшего объект от террористов. «Вы куда прете?» — спросил он. — «В синагогу». — «Зачем туда шлаться?» — «А что, — и тут я соврал один-единственный раз за все пребывание в Петербурге, — вы не видите, господин милиционер, что я еврей из Польши?» — «Ну ладно, — пропустил меня милиционер, — сначала идите прямо, а потом вход справа». Внутри меня встретили очень тепло, а по просторной солнечной синагоге меня водил ее сторож. На прощанье он посоветовал зайти в находящийся рядом современного вида кошерный магазин с едой и напитками, с книгами и еврейской музыкой на компакт-дисках. Прощаясь, я признался, что я поляк и католик, что сторож принял с дружелюбным интересом. «А знаете, — признался и он, — я ведь сам родился в Литве. А теперь еду на Украину, потому что там мои родные и знакомые. Заходите к нам еще». Зайду, обязательно зайду, так же, как к буддистам и в мечеть.

Поляки с верхней полки

Наши в Петербурге тоже держатся крепко, хоть я и не сразу это заметил. Приятное польское приключение на берегах Невы началось для меня, когда Хиероним Граля, историк и директор Польского института в Санкт-Петербурге одарил меня в своем кабинете ценными публикациями, которые он издает там по-русски. Я с готовностью, без всяких церемоний принял стихи Шимборской и Галчинского, «Афоризмы» Виткевича и, главное, уже 7 й том исторической серии «Polonica Petropolitana». К сожалению, ни одной из этих книг ни раньше, ни после я не видел в петербургских книжных магазинах.

Когда я спрашивал там про польскую литературу, то обычно слышал: «У нас этого нет». И я до последнего момента думал, что пространство польско-российской литературной дружбы выглядит таким пустым. Но, к счастью, в последний момент

попал в «Дом книги» на Невском. Приятная продавщица сразу подвела меня к славянской литературной полке. Сначала мне бросился в глаза серб Милорад Павич — я обнаружил его «Хазарский словарь», «Железный занавес», «Кровать для троих» и еще восемь книг, похожих друг на друга, как две капли воды. Потом увидел две книги украинцев: «Перверзию» Юрия Андруховича и «Юлию, или Приглашение к самоубийству» Павла Загребельного. Был там и Грабал с «Амфорой» и «Слишком долгим одиночеством», и Кундера в чересчур огромных количествах.

Польские книги стояли повыше, занимая метра полтора в длину. Слева — классика, массовые издания по сто рублей: «Quo vadis», «Кукла» и «Фараон», но не было Лема... Зато его «Сказки роботов» я раньше видел в киоске в Старой Деревне, рядом с Александрой Марининой и Борисом Акуниным. Совсем справа стояли три книги Гомбровича, изданные в 2000–2001 гг. («Фердидурка», «Космос» и «Порнография»). Посередине я нашел «Придорожную собачонку» Милоша и «Красивых, двадцатилетних» Хласко, был и Конвицкий с «Хроникой любовных происшествий» и «Чтивом», «Вайзер Давидек» Хюлле, «Белый ворон» Стасюка. Кстати, недавно эту книгу очень хвалил, находясь в Кракове, ведущий литературный критик «Нового мира» Сергей Костырко... Бросался в глаза «Пианист» Шпильмана, изданный в 2003 г. московскими «Мостами культуры» и иерусалимским «Хешаримом» (израильское издательство, естественно, датировало книгу 5673 годом). Все это выглядело в высшей степени симпатично, особенно если вспомнить, что в Петербурге мне попадались по-русски еще и «Путь Людей Книги» Токарчук и «День накануне» Филиповича.

Из Санкт-Петербурга в Краков

В Петербурге я пробыл всего лишь неделю, но, как можно заметить, повидал немало. Однако, повторю еще раз — и подчеркну: я не видел там ни одного студента из Польши. Может, я их прозевал, а может, так и полагается? После вступления в Евросоюз нам надо позаботиться и о том, чтобы молодежь из России и Польши могла встречаться в Петербурге и Кракове, в Москве и Варшаве. В этом контексте упомяну, что важной целью моей поездки был Санкт-Петербургский университет. Я собирался подготовить почву, чтобы осенью этого года подписать договор между Институтом восточноевропейской филологии при Ягеллонском университете и петербургским филологическим факультетом. Вероятно, это произойдет в сентябре. У нас еще всё впереди.

ПАМЯТЬ

«Я помню много мест и событий. Некоторые из них живут в моей памяти, будто остановленные фигуры какого-то спектакля. Хватает небольшого усилия, чтобы они ожили. Тогда их освещает странное теплое сияние, от которого бывшее возвращается бесконечно уменьшенным, будто в перевернутом бинокле. Течение времени уменьшает картины, но не способно уничтожить их.» Они становятся миниатюрами событий и вещей, но сохраняют тепло, краски и свой внутренний порядок. Попросту нам надо быть больше своего прошлого, чтобы уберечь его.

Все эти места и события банальны без исключения. Все это могло бы случиться с кем угодно другим и в каком угодно другом месте.

Мне семь или восемь лет, зима. Я иду с отцом по тихой, спокойной улице в предместьях Варшавы. Не помню, как и зачем мы там оказались, но очень четко вижу стеклянистый тротуар, снег, сгребенный в сугробы, и белую мостовую. Отец держит меня за руку, а я время от времени чуточку бегу и скольжу по темным пластинам голого льда. Снег лежит на ветвях деревьев, облепляет заборы и железные калитки. День морозный и безветренный. Воздух пахнет угольной пылью. Это запах городских окраин тех времен, когда в переулках появлялись тяжелые подводы, запряженные толстокостыми першеронами. Чумазы мужчины в ватниках и ушанках сыпали уголь в плетеные корзины и относили его в подвалы. Но в тот день улочка была совершенно пуста и тиха. Из труб тянулись серо-золотые облачка.

Из этого состоит жизнь, когда мы пытаемся вообразить ее как целое, — из разорванных фрагментов, запавших в память. Их не сочленяет никакой смысл, никакая логика — кроме того, что приключились они со мной.

Январь, семь часов утра, я только что разбудил дочку, которой надо идти в школу. Она копошится где-то между ванной и кухней, а я сижу у себя в комнате, пью кофе и гляжу в окно. От серого света зимнего утра во мне оживают все рассветы моего детства. Прошло много лет, я уже взрослый, а мои родители старые, от родного дома меня отделяют десятки лет и сотни километров, но этот свет рассвета совсем не изменился. Я

гляжу на него и могу воспроизвести вкус тех ранних утр, когда мне было десять лет. Моя дочь повторяет мои жесты, повторяет мои чувства. Когда ее будишь, она неохотно потягивается, сворачивается калачиком под одеялом и пытается сделать вид, будто ей приснилось, что будят, будто вот-вот — и она вернется в объятия теплого сна. Наступающий день — холодный, неприятный, поэтому первые минуты яви следует представить себе как продолжение безопасной, уютной ночи. В ванную, в кухню надо спускаться с полуприкрытыми глазами, чтобы как можно дольше сохранить в себе сонную тишину. Она молча завтракает, чистит зубы, а я тем временем включаю зажигание и жду, пока машина нагреется. Гляжу на дверь дома, чтобы уловить момент, когда она выходит, слегка горбится под ударом холодного ветра и в конце концов кидается навстречу наступающему дню.

Это едва заметное, хрупкое постоянство жестов и чувств, быть может, придает нам какой-то человеческий смысл. Придает смысл тому, что мы строим и составляем всё новые дома. Остальное кажется лишь слепой необходимостью выживания вида или проявлением тщеты.

Кроме мест и событий, кроме света — есть еще и предметы, память о которых кажется неуничтожимой. Например, кружка из желтой прозрачной пластмассы. Я запомнил ее как свою первую собственность. Мне тогда было четыре года, и кружка появилась в моей жизни как что-то очень важное. Если сегодня я думаю «молоко» или «сладкий чай с лимоном», сразу же является образ кружки: золотистая миниатюрка взрослой пивной кружки. Все то время окутано полумраком, погружено в полутень и напоминает нерезкую черно-белую фотографию. Даже лица нечетки и размыты. Утварь в квартире, фрагменты улицы и двора, вид из окна — все это не обладает ни четкими красками, ни контурами. По праву удивительнейшего контраста только эта детская посуда или игрушка обладает четкой формой и цветом. Она сияет, будто какое-то сказочное солнце, и своим сиянием озаряет весь остальной тогдашний мир. Извлекает из мрака деревянные поручни кресла, печь на угле и молодое лицо отца, поздно вечером возвращающегося с завода.

Я не сумею объяснить феномен памяти. Вероятно, он необъясним, и потому-то его выразительность идет рука об руку с его красотой. Попросту моя кружка светит в моем прошлом, как звезда, которая указывает мне путь. Не исключено, что напоминание о том, откуда мы пришли, может

иметь форму самого простого сообщения, чтобы мы никогда о нем не забыли.

Я прочитал за свою жизнь тысячи книг, разговаривал с сотнями людей, с десятками дружил, объездил немалый кусок мира и бывал в разных удивительных местах. Из всего этого должен возникнуть какой-то синтез, какой-то урок на будущее. Однако ничего такого не происходит. Я просыпаюсь каждый день и жду, пока эти события исчезнут в прошлом. Только тогда они становятся выразительными, только тогда приобретают какое-то значение. Будущее — великая пустота. В нем ничего нет, и оно может, самое большее, возбуждать любителей научной фантастики, марксистов, капиталистов или стареющих барышень. Существует лишь то, что прошло, ибо оно обладает своей формой, оно уловимо, ощутимо и каким-то образом уберегает нас от безумия, от умственного уничтожения.

Когда-то я сидел в тюрьме и по этому случаю месяц провел в камере-одиночке. Камера была совершенно пустая, а у меня из личных вещей были только алюминиевая миска, тарелка, ложка, сапожная щетка и мыло. Все это время я не видел человека. Еду подавали через маленькую кормушку в двери. Унитаз и умывальник были на месте. Этот период я вспоминаю как один из самых интересных в жизни. Я испытал полное одиночество и полную оставленность. Я, понятно, ждал, пока все это кончится, и считал дни, как всякий осужденный, но будущее как таковое меня не интересовало. Оно было бесформенным и абстрактным: составляло что-то в роде точки на прямой. Зато меня поглощало прошлое. Былые события наплывали теперь из прошлого и заполняли мне голову, больше того, заполняли тесное помещение так плотно, что ни настоящее, ни будущее не находили ко мне доступа. Мне казалось, что я совершенно самодостаточен, что по сути дела у меня не отняли свободы, ибо не отняли памяти. Весьма возможно, что моя жизнь каким-то необъяснимым образом продлилась на тот месяц, что те тридцать дней были подброшены как выигрыш в мое существование. На протяжении этих четырех недель пустоты и одиночества все, что я раньше пережил, я пережил во второй раз. Вдобавок пережил, если можно так сказать, с бóльшим вниманием и большей нежностью, ибо начал разуметь, что в жизни ничего не получаешь сверх того, что досталось.

Да, память и прошлое — моя родина и мой дом. Я люблю напиваться в одиночестве и вспоминать минувшие события, людей и пейзажи. Даже то, что было неделю или две назад.

Футурология всегда возбуждала во мне легкое отталкивание, ибо казалась мне плодом трусости и дезертирства, побегом от своего состояния. Никогда я не думал о будущем как о некоем решении. Будущее всегда остается прибежищем глупцов. Оно наступает, а им приходится оправдываться, что наступило оно не такое, как надо, или доказывать, что оно ровно такое, как они предсказывали. Поэтому я предпочитаю напиваться в одиночестве или с друзьями и ждать, пока былое овладеет нами. Всегда лучше общаться с бытием завершившимся, нежели потенциальным. Попросту прошлое относится к нам серьезно, чего нельзя сказать о будущем.

«Жизнь — это не то, что человек пережил, а то, что и как он запомнил» (Габриэль Гарсия Маркес). Я не смог бы найти лучшего ответа на вопрос, почему я тот, кто я есть, и откуда собственно взялся в этом месте и в это время. Южная граница Польши, горы, январь, идет снег и отрезает меня от остального мира. Завтра утром мне будет трудно выехать. Все складывается в гармоничную картину. Окраины, зима, пустота спокойного пейзажа, одиночество, когда долгими днями я вижу лишь самых близких. Не могу удержаться от впечатления, что все было запланировано очень и очень давно, а я переживаю лишь вариации и секвенции каких-то первых жестов и событий. Весьма возможно, что это род фатализма, хотя я очень верю в то, что в жизни мы по-разному повторяем все, что запомнили. Я угнездился в собственной судьбе, ибо вижу в ней постоянство. Ни история, ни география не в состоянии обеспечить нам ощущение, что мы откуда-то приходим. Первая слишком капризна, слишком непредсказуема, вторая — слишком равнодушна. Кроме того та и другая служат власти, которая с их помощью пытается внушать нам, что мы ей еще что-то должны. Память независима. Правят памятью ее внутренние законы склероза или минутных озарений. Как бы мы ни пробовали изменить ей, все равно оказываемся жалкими мудаками, достойными презрения выскочками. Отречься от памяти о себе самом — это умственное самоубийство. Достаточно посмотреть на деревенских, которые пробуют изображать из себя городских мещан, достаточно посмотреть на мещан, изображающих аристократов. Все они бегут от собственной памяти и не находят ничего, что могло бы ее заменить. Амнезия — это форма презрения к самому себе. В мире, который наступает, мало какие вещи будут в нашей собственности. Большинство их подчинится законам экономики, т.е. всякая прибыль будет содержать в себе потенциальную потерю. Вероятно, даже чувства станут предметом торгового обмена. Можно будет покупать любовь и продавать ненависть в доселе не встречавшихся масштабах.

Весьма возможно, что одна только память, личная, капризная и отрывочная история, не найдет покупателя, ибо для постороннего окажется совершенно лишенной ценности.

Несколько дней назад мы отвезли нашу десятилетнюю дочь на зимние каникулы. Чем ближе было к месту, где ей предстояло провести целую неделю без нас, тем более нервной и одновременно как будто немножечко чужой она становилась. Потом, среди других детей и опекунов, напряжение еще возросло. Мы отнесли ее вещи в комнату и хотели обнять ее на прощанье. Кроме нее в комнате была еще одна девочка ее возраста. В глазах нашей дочки отражались крайне противоречивые чувства. Она и хотела, чтобы мы как можно скорей исчезли, и в то же время ей было грустно и жалко, что мы уходим. Она была трогательно раздираемой и беззащитной. Ей хотелось освободиться, придать своей жизни собственную форму, и в то же время память и прошлое повелевали ей смотреть нам вслед с печальной извиняющейся улыбкой.

Перевод Натальи Горбаневской

ПРОВИНЦИЯ И ЦЕНТР

Анджей Стасюк (г.р. 1960) выпустил свою первую книгу, сборник рассказов «Стены Хеврона», в 1992 году. Рассказы связаны с тюремным опытом автора: в 80-е годы он был связан с молодежной оппозиционной группой и осужден за отказ от службы в армии. Жестокий мир тюрьмы и тюремных повествований Стасюк подравнивает под библейские образцы. Характерно, что герой Стасюка не изображен «оппозиционером», — правда, мы находим в книге картину разлагающейся системы, но она показана не с политической или идеологической точки зрения: добросовестный репортаж. подробное описание реалий вполне достаточны, чтобы показать абсурд действительности, в рамках которой разыгрываются события каждого рассказа. Одновременно эта книга, высоко оцененная критикой, обращает на себя внимание совершенством языкового слуха автора. Причем речь идет не просто о цитировании тюремного жаргона — идя от него, Стасюк создает собственный вариант этого жаргона, творит оригинальный авторский язык своего повествования, сильно насыщенный лиризмом откровенно библейского происхождения.

То же самое мы видим и в его более поздних книгах. Исходная точка в них всегда — услышанный язык, который в повествовании преобразуется так, что это позволяет извлечь из повседневного хаоса выразительные фигуры героев; их язык ретуширован как будто незаметно, но именно это приводит к тому, что мир, изображенный в прозе Стасюка, возбуждает интерес у читателей. Так обстоит дело хотя бы с «Галицийскими повестями» (1995), сборником рассказов, предмет которых — провальное положение сообщества, живущего на территориях бывших госхозов в глухой провинции, в Бескидах. При этом представляется знаменательным, что Стасюк называет свои рассказы повестями, опираясь на важную традицию современной польской литературы — на повествования Зигмунта Хаупта или Станислава Винценца, укорененные в атмосфере былых польских восточных окраин. Взаимопроникновение прошлого и настоящего, былого — хотя и довольно хрупкого — порядка и хаотической суеты современности выполняет в книге Стасюка важную функцию: оно позволяет показать своеобразный *genius loci*, дух места, благодаря которому лишенная корней, годы

назад перетащенная на эти территории человеческая неразбериха преобразуется в местное сообщество, хотя ныне и деградировавшее, однако обладающее шансами воссоздать свой собственный космос.

Наибольшее признание писателю принесла четвертая книга рассказов — «Дукля» (1997). Действие рассказов происходит в маленьком карпатском городке: «Чудной городок, откуда уже некуда поехать. (...) Из Дукли можно только возвращаться. (...) Дукля становится центром мира, *anfalos universum*, — тем, из чего начинается все остальное, стержнем, на который нанизываются всё новые слои подвижных событий». Таким образом, с одной стороны, мы находимся на окраине, «на краю света», а с другой — в его центре.

В своей прозе Стасюк последовательно развивает мотив скитальчества, пересечения границ — это мы видим и в сборнике «Через реку» (1996), герой которого удаляется от Варшавы, и в романе «Девять» (1999), где приезд в столицу становится подтверждением ее деградации. Вдали от центра, среди узнаваемых, не безымянных людей рассказчик этой прозы находит мир «по мерке человека». Дукля — как раз такое место, излучающее тайну своей неповторимости, а истоков этой неповторимости не найти. И хотя этот мир — как весь мир прозы Стасюка — уже озаглавлен печатью распада, хотя герои его повествования — в большинстве своем маргиналы, тем не менее где-то здесь еще можно отыскать хотя бы память о мире основополагающих, ни к чему иному не сводимых ценностей. О мире, уходящем в прошлое, как говорится об этом в «Галицийских повестях»:

«Потом я шел рядом с телегой, а старик показывал места, где стояли дома, называл имена, рассказывал крупницы каких-то событий. Он ехал через деревню, которая еще существовала в его памяти. Ни время, ни огонь, ни хрупкость не имели доступа к памяти. В конце, прощаясь, он несколько издевательски усмехнулся. И сказал почти с веселым блеском в глазах:

— Ну, собственно уж можно и умирать».

Ничего удивительного, что во многих местах этой прозы, как и в драматических опытах автора из сборника «Две (телевизионные) пьесы о смерти» (1998) можно обнаружить зачарованность смертью — точнее, не смертью, а тем переходным состоянием, неуловимым и таинственным моментом преображения.

ВРЕМЯ РАССТАВАНИЯ

Страшно стало просыпаться — «лента плохих новостей» и некрологов превращается в бесконечность.

Вот и для меня, сорокалетнего, видно, пришло время расставаний...

От польского друга сегодня пришла страшная весть — умер Яцек Качмарский. Один из самых значительных польских бардов, яркий поэт и композитор, бесспорный кумир польской интеллигенции 80 х.

Я познакомился с Яцеком на одном из частных концертов в Варшаве («квартирнике») в 1992 г., где двухчасовое выступление барда просто перелопатило мне душу. Сильный голос, мастерская гитара, потрясающие метафоры, взрывной темперамент. Исполнение Качмарского можно сравнить разве что с Владимиром Высоцким — всё на грани, до последней капли, от крика до шепота.

Нас познакомили в перерыве. «Ну вот, что же вы раньше не сказали, что здесь друг из России, — упрекнул Яцек гостеприимного хозяина «квартирника». И потащил за собой через толпу гостей. — Если вы любите Высоцкого, я сейчас для вас буду петь...»

Ощущение — как будто упал с девятого этажа, а приземлиться не можешь. Такого мощного, точного, по-настоящему гармоничного исполнения Высоцкого я в жизни никогда не слышал. Яцек пел свои вольные переводы Высоцкого на польский. И какие это были переводы!

Через несколько лет польский исторический журнал «Карта» организовал в Подкове-Лесной под Варшавой конференцию о трагических страницах польско-российской истории. Куда пригласил правозащитников и историков из российского общества «Мемориал». Мы привезли с собой Юлия Кима, а польские друзья пригласили Яцека Качмарского. Оцените замысел!

Концерт был, клянусь, просто фантастическим. Два с половиной часа — Качмарский и Ким. Песни, посвященные вчерашнему диссидентскому прошлому — любимец

московских кухонь, «бард правозащитников и вольнолюбцев»
Юлий Ким и трибун польской «Солидарности» Яцек
Качмарский...

Оба страшно переживали — как иноязычная аудитория
воспримет? Юлий, услышав мастерскую гитару Качмарского,
заупрямился: «Не, ребята, ну не пойду я позориться как
любитель...» А Качмарский, увидев на сцене так хорошо нам
знакомый театр одного актера — Кима — нервно закурил: «Я
же просто лектор по сравнению с ним...»

В результате оба, подстегиваемые страстным желанием
дотянуться друг до друга, такой дали жизни...

В 1995 г., вскоре после страшного погрома, который устроили
российские войска МВД в чеченском селе Самашки, мы
привезли в Польшу выставку фотосвидетельств об этих
страшных событиях. Кшиштоф Гоздовский организовал в
центре культуры под Познанью дискуссию о войне в Чечне и
проблеме личной ответственности человека за происходящие
события. Яцек Качмарский сразу и решительно согласился
принять участие. «Господи, ну почему наши-то барды молчат,
— думали мы тогда, — ведь как важен их голос в антивоенной
борьбе!».

Благодаря участию Яцека сотни людей в Польше подписали
тогда обращение к президенту России с призывом к мирным
переговорам.

Юлий Ким, Александр Городницкий, Александр Мирзоян
решительно осудили продолжение жестокой военной
кампании в Чечне и приняли участие в акциях российского
антивоенного движения.

...В декабре 2003 г. мы узнали, что Яцек болен — рак горла. Он
мучительно переживал невозможность петь. Пронзительные и
печальные стихи Яцека читал нам Кшиштоф Гайда, профессор
Познанского университета, друг и исследователь творчества
Качмарского, автор книги о барде. Три декабрьских морозных
дня мы слушали диски Яцека, пели под гитару его песни,
читали стихи и... писали «Качмару» электронные письма. На
которые Яцек, смертельно больной и уставший, сразу же
отвечал. С присущей ему иронией, отвергая наши потуги
«отлить его в бронзе», размышлял о свободе:

«...Недавно я написал небольшой текст о художниках, которые,
когда закончилось военное положение в Польше,
почувствовали себя несчастными, потому что решили, что

теперь они не нужны. Я думаю, что военное положение длится — для каждого из нас — всю жизнь, от рождения до смерти. Всегда нам кто-то бросает вызов, всегда мы стоим перед выбором: действовать или сложить руки, бунтовать или слушаться, думать или просто поглощать пищу. Раньше мои песни были о неволе, а теперь — о том, что делать со свободой...»

Яцек Качмарский

ПЕСНИ

СТЕНЫ

(По Луису Льяху)

Одна из самых известных песен Яцека Качмарского, неофициальный гимн «Солидарности».

Он пел вдохновенно, он молод был,

А их там было — не счесть.

От песни у них прибывало сил,

Он пел, что свет где-то есть.

Они тысячи свеч зажгли ему,

Над их головами — дым.

Он пел: айда, разрушим тюрьму...

Они пели вместе с ним.

Зубы решёток вырви у стен!

Клетки ломай, оковы рви!

Пусть стены рухнут, рухнут, рухнут,

Похоронят старый мир!

Скоро ту песню каждый знал,

Мелодия, даже без слов,

Была им как свет, была как дурман

Для их сердец и голов.

И пели они, и хлопали в такт,

Хор канонадой звучал,

Оковы давили, сгущался мрак...

А он всё пел да играл:
Зубы решёток вырви у стен!
Клетки ломай, оковы рви!
Пусть стены рухнут, рухнут, рухнут,
Похоронят старый мир!
Но вот они поняли, сколько их там,
Почуяли силу: пора!
И с песней двинулись по городам:
К свету — вперёд — ура!
Кумиров в прах, булыжник в кулак —
Ты за нас или нет, гражданин?
Кто одинок — тот наш злейший враг!
А певец был всё так же один.
Он видел ровный марш толпы,
Молча прислушиваясь к шагам.
А стены росли, росли, росли,
Цепи гремели на ногах...
Он видит ровный марш толпы,
Молча прислушиваясь к шагам.
А стены растут, растут, растут,
Цепи грохочут на ногах...

1978

РАССТРЕЛ

(Врублевский)

Раз! Два!

Вот так расстреливают тени

Вбивают их в бетонный мир
Где нет ни солнца ни сомнений
Пустяк — расстреливают тени
Три! Четыре!

Из роб вытряхивают трупы
Вот так теряют форму тел
Те кто вчера её имел
Вот так вытряхивают трупы
Пять!

Ты зачарован трассой пули
На дне зрачка увяз испуг
Ни взвода ни домов ни улиц
Ты зачарован трассой пули
Четыре! Раз!

Вот так — изломанные позы
И мёртвой кожи тусклый блеск
Кошмар рассчитанной угрозы
Изломанные дико позы
Три! Пять!

Так босиком миры проходят
В затмении средь бела дня
Глухое эхо залп огня
Так босиком миры проходят
Вот так расстреливают тени
На пять
Умножили

Меня

1980

СТАРОСТЬ ТЕСЕЯ

Я в молодости был Тесеем,
А нынче кто я? — Минотавр.
Блуждаю в мрачном подземелье,
Ариадны нет ни тут, ни там.
Всё тяжелее голова,
Я жажду света, словно бога,
Забыв премудрые слова:
Во всякой жажде хвори много.
Я дрался с гадами и дрянью,
А нынче сам я — как дракон.
На стенах тень моя — как память,
О том, кем был я, светлый сон.
Гоняюсь с факелом за тенью
По бесконечным коридорам.
Но лика моего не ценят,
Мир утращён моим позором.
Я в молодости был героем,
А нынче — узник чёрной славы.
В ловушке тесной места мало...
Увы, я жить привык, не скрою.
Что мог, то делал, как и ты,
Мне малых радостей хватает:
Туманной горечи мечты

Да взрослой сытости фантазий.
Во сне преследуют виденья:
Все жертвы — мне... И сам я верю
В картинки с кровью — откровенья
Полумужчины-полузверя.
Нет искупленья, небо немо —
Не все достойны испытанья.
Я на стене пишу поэму,
А сам покорно жду закланья.

Осова, 15.09.2003

ПЯТЬ ЛЕТ ВЫСТУПЛЕНИЙ В ПОЛЬШЕ, ЛЕГАЛЬНЫХ, ПОЛУЛЕГАЛЬНЫХ

...а еще точнее было бы сказать — разговоры. Пару раз я брала у Яцека интервью (для «Контакта», для радио «Свобода»), а еще чаще мы разговаривали просто так: перед концертом, в антракте, после концерта, а то и просто в гостях у Яцека и Инки. Яцек совсем еще молодой — ему нет и 26 лет, — а выглядит еще моложе. Вероятно, стесняясь чрезмерно юного вида, он и отрастил себе теперь бородку, которая этот юный вид еще больше подчеркивает. Но, когда он поет, забываешь, юн он, не юн, — перед тобой зрелый поэт и фантастический исполнитель (настолько фантастический, что почти каждый раз у меня впечатление: ну, так потрясающе, как сегодня, Яцек еще не пел!). Вот уже второй год Яцек на Западе. Оказался он здесь, выехав на гастроли во Францию, где его и застало 13 декабря. Он пел во многих странах Европы, выпустил две пластинки, только что вернулся из большой гастрольной поездки по Америке. В июне издательство парижской «Культуры» выпускает книгу его песен. На мой взгляд, Яцек очень «вырос» на Западе, но растет он от того корня, который окреп в Польше. Как все это для него началось?

— Как это началось, Яцек? Как ты начал писать, петь, выступать?

— Чем хороша песня, в особенности та, что французы называют chanson de texte, песня, главный смысл которой в тексте, а не в мелодии (мелодия может быть банальной или вообще заимствованной), — тем, что она в независимой культуре «эффективнее» всего: безумно простая техника и немедленная реакция слушателей. Спеть песню для двух десятков людей на встрече в «салоне» КОРа, или на лекции «Летучего университета», или даже на чьих-нибудь именинах, при том что существуют магнитофоны, — это сразу становится общественным феноменом. О себе я могу сказать, что выбрал песню потому, что мне необходима немедленная реакция. Когда я пою, еще не кончил петь, а уже знаю, что об этой песне думают слушатели. Дня меня это стимул работать дальше.

— Это о том, что привлекло тебя к песне. А что сделало тебя таким, какой ты есть? Ты ведь резко отличаешься от большинства польских певцов, даже не слишком схожих

между собой, с ярко выраженными индивидуальностями, но имеющих нечто общее? Откуда ты идешь?

— Не знаю точно: я ведь себе не биограф. Думаю, что главная заслуга в том, какой я есть, — моей семьи. Родители мои — оба художники, мама к тому же — искусствовед, преподаватель. Они учились живописи в Советском Союзе. Помню, что у нас в семье довольно рано появились записи неподцензурных песен, а воспитывался я в сфере уважения и надежды по отношению к оппозиции в СССР. В 1974 г. я вживе услышал Высоцкого, которого уже знал и любил по кассетам. Я думаю, что вообще связь с русской мелодикой — это главное, что отличает меня от других польских певцов. У нас чаще ориентируются на американских певцов — типа Леонарда Коэна, и моя «русская» или, точнее говоря, славянская мелодика оказалась новой. Но русскую традицию я стремился соединить с традицией польской романтической поэзии. Отсюда, видимо, и тот сплав, который стал специфически моим.

В манере Качмарского, особенно «раннего», очень много от Высоцкого. Когда-то он сочинил польский вариант «Охоты на волков» («Облава»). Сейчас в Америке он услышал пластинку с «Охотой на волков с вертолета», и первое, что он поспешил мне показать, вернувшись в Париж, — это свой вариант (не перевод!). «Только музыки еще нет», — прибавил он без всякого, впрочем, сомнения, что музыка будет. Но вершина творческих «отношений» с Высоцким и в то же время, пожалуй, прощание (прощание не только с ушедшим старшим поэтом, но и с тем самым собой, у кого влияние часто выражалось как простое подражание) — это, несомненно, «Эпитафия Владимиру Высоцкому».

— Яцек, но ведь твой Высоцкий из «Эпитафии» — это не совсем то, чем был реальный Высоцкий...

— Ты думаешь? Ну, пожалуй. Конечно, «Эпитафия» — это миф Высоцкого, легенда Высоцкого, но, быть может, это и есть его реальность?

В «Эпитафии» Яцек использует мелодии нескольких песен Высоцкого, неожиданным образом соединяя их и обрабатывая, кое-где вкрапляет обрывки текстов Высоцкого (или намеки на эти тексты), но в целом это произведение абсолютно оригинальное, необыкновенной трагической глубины и остроты. В отличие от публикуемой здесь другой «Эпитафии» — Бруно Ясенскому, где Качмарский трагикирически приводит героя и жертву коммунизма в рай, к тому Богу, какого тот заслуживает, —

Высоцкий у Качмарского идет по кругам ада: ада прижизненного, «из пекла в пекло», до восьмого круга, «за которым уж нет ничего».

— Вернемся к твоей биографии. Когда ты начал выступать?

— В 77-м году, ровно в двадцать лет. Я писал до этого несколько лет, но показывал песни только родителям, их знакомым, иногда своим близким друзьям. Так что я вышел на эстраду с большим запасом песен. С этого времени начались пять лет моих выступлений в Польше, легальных, полуполигальных и нелегальных. Как и большинство деятелей независимой культуры, я имел возможность существовать официально — таков был, надо признать, либерализм герековской Польши. Были периоды, когда мои выступления запрещались, все время приходилось вести неустанные бои с цензурой за ту или иную песню. Очень долго, практически до сентября 1980 г. мне был закрыт вход на радио и телевидение, но подпольным певцом, который должен каким-то иным способом находить средства к существованию, я не был. С самого начала я мог зарабатывать своими песнями. Я выступал в студенческих клубах, в провинциальных домах культуры и крестьянских клубах. Даже в заведениях вполне прорежимных находились люди, которые изобретали способ устроить мое выступление. Никогда в жизни я не был вынужден делать уступки официальной пропаганде под угрозой, что иначе не смогу выступить. Меня этим даже не шантажировали. Если мне запрещали выступать в Варшаве, то сразу объявлялся кто-нибудь из Кракова, Люблина или Лодзи и говорил: «Ну так приезжай к нам, много не заработаешь, а прожить проживешь». Я все время был в среде людей, чье существование и творческая деятельность висели на волоске. Настолько-то, мне кажется, мы ощущали безумие ситуации, чтоб понимать, что в любой момент это может кончиться. Как-то я был у одного своего друга в Катовице как раз, когда пришли с обыском, и гебешник, забирая нелегальные издания с полки, сказал: «Эх, ребята! Сейчас это мы с вами игры играем. А придет приказ — в 24 часа всех заберем, и никаких шуток». Так и случилось 13 декабря.

— А что принес тебе период «Солидарности»? Что изменилось для тебя после Августа?

— До Августа я писал довольно интуитивно: у меня самого не было серьезных драматических переживаний, связанных с опытом жизни в этой системе, поэтому я черпал материал и настроения из чужих переживаний, рассказов, разговоров. Писать было очень легко, и, сознательно или несознательно, я избрал самую простую в Польше художественную роль — роль Кассандры. Так легко и просто быть недобрым пророком в

наших странах. Я писал песни по мотивам Ветхого и Нового Завета, греческих мифов, европейской живописи. Я стремился подчеркнуть, что главная ценность, главный смысл существования — это личность, индивидуальность, независимая мысль, а величайшее преступление — уничтожать ее. Но все это я вводил в историко-культурный контекст. И политические песни, которые я писал, строились на метафорах, немного в стиле Высоцкого: автобус, который не автобус, а Польша; детский сад, который не детский сад, а Польша; вокзальный зал ожидания, который тоже Польша...

— Словом, все оказывалось Польшей?

— Да, все оказывалось этим нашим гетто, нашей скорлупкой ореха, в которую мы заключены. А после Августа я какое-то время был просто парализован. Помню, летом 80 го года я готовил программу под названием «Невольники», задуманную как программа о всеобщем оподлении и деморализации. До сих пор не могу себе простить такого мышления — хотя сейчас, надо сказать, эти песни начали жить новой жизнью. После Августа я много выступал. Зато я очень долго не писал ничего нового, искал самого себя. Наконец, весной 81 го года я написал цикл «Музей» — 20 песен на сюжеты польских картин XIX и XX веков. Парадоксально: когда все можно было высказывать прямым текстом, я решил снова прибегнуть к метафоре, к исторической дистанции. Я хотел убедить людей, что то, что они переживают, не есть нечто чрезвычайное и единственное в своем роде, что не они первые, но каждое поколение переживало такие общественные порывы, революции, поражения, надежды, разочарования. Не нам дано жить в исключительный момент тысячелетней истории польской государственности, не мы самые главные в мире — просто мы участвуем в чем-то, что имеет свои соотношения. Я не говорю — соответствия, потому что, при всей легкости аналогий, Россия и Советский Союз — вещи совершенно разные. Но в человеческом смысле, на уровне людской психологии, механизмы очень схожи и повторяются.

— Значит, писать тебе после Августа было трудно. А что было с выступлениями? Не для бастующих, а с официальными?

— Тут наступила полная паранойя. Были возможности выступать для широких масс — мы с ребятами, с моими музыкантами, выступали на открытии памятника в Гданьске, перед десятками тысяч людей. Но одновременно на нас напали радио, телевидение, фирмы грампластинок, и первое, что мы записали, была программа «Стены», из-за которой в 79 м году в Варшаве был закрыт «Театр на роздрожу»

(«Театр на распутье») — такой крохотный театрик. Те самые люди, которые до Августа вешали трубку, едва услышав наши имена, теперь гонялись за нами. А на фирме грампластинок завит даже попросил нас, не можем ли мы слегка заострить программу: теперь ведь, сказал он, такая конъюнктура, можем подбросить все, что захотим.

— **Что же теперь, за границей?**

— Когда совершенно неожиданно французы устроили мне этот выезд (я получил паспорт за час до отлета), я словно проснулся от сна нескольких лет: я ощутил, что я в такой лихорадке — пою, пишу, езжу, выступаю, говорю с людьми, даю интервью — и что выезд дает мне возможность зачерпнуть свежего воздуха, посмотреть на все это, а особенно на послеавгустовские месяцы, с расстояния. Все эти месяцы меня официально хвалили, выдвигали, награждали, а для друзей своих я оставался выразителем их «историко-политического мышления». Рано или поздно я их либо предал бы, либо отверг бы все то, что так легко шло мне в руки. 12 декабря мы дали последний концерт, и...

— **Я слышала тебя впервые сразу после 13 декабря, а потом снова уже после долгого перерыва. У меня ощущение, что ты очень сильно переменился...**

— Может, не следует такого говорить, но у меня и в самом деле такое ощущение, что вынужденная необходимость пережить все это здесь, все прожить заново и обдумать — очень много мне дала. Впервые в жизни я переживал свою драму. Смешно, но, когда я теперь пою «Облаву», которую написал 17 летним мальчишкой под влиянием песни Высоцкого, и пою, что вырвался из облавы, укрылся в чужом лесу и из этого чужого леса кричу волкам, чтобы сражались, — я пою о себе. И когда я пою «Кассандру» или «Помпею», то я пою не о Кассандре, а о себе, и не о Помпее, а о Гданьске или Варшаве.

Беседу вела Наталья Горбаневская

(«Русская мысль» №3461, 21 апр. 1983)

Яцек Качмарский

ЭПИТАФИЯ БРУНО ЯСЕНСКОМУ

Прокоптилась Европа, как лосось королевский,
На крюке золоченом в дыме газов вися,
Спорит повар французский с обершефом немецким,
Что и как приготовить из того лосося.
Старых бабок рецепты в этот век непригодны,
Потроши эту рыбу, но умелой рукой,
Вот распорото брюхо, а из брюха народы
Дипломатам на блюдо вытекают икрой.
Я вкушаю в Париже гниль вонючего сыра,
Я вдыхаю гриппозный серый лондонский чад,
Был в Мадриде и в Риме и объездил полмира,
Но напрасно старался тут найти свой причал.
Я причалю в столице азиатской и красной,
Где история в ступке человека толчет,
Где чучмек мне откроет ширь души распрекрасной,
Где земля изобильна, а поэтам почет.
У поэтов валютой там набиты карманы,
И народное счастье славит каждый куплет,
Там багрянее крови стяг над нами багряный,
А багрянее стяга первомайский букет.
Там, поляк и вчерашний обитатель Европы,
Форме новое я содержание дам,
Будут сонмы поэтов целовать мне подошвы,

Я им великодушно звездной манны раздам.

Бруно Ясенский: немецкое имя,
Фамилия польской шляхты,
Еврей, коммунист, бывал и в Риме,
Завязал в Париже контакты.
В Москве арестован как шпион,
Судим, но не расстрелян,
Ушел с этапом. С этих пор
След его потерян.

Молодой, гениальный, в белом-белом безумье
К мерзлоте примерзаю, словно мамонта кал.
А скуластый охранник, в моей шапке и шубе,
На меня же ощерил желтозубый оскал.
Вдруг я вижу: пред Богом, тем, какому служил я,
Кого чтил вам назло я, — пребываю в раю!
Вижу Бога такого, как себе заслужил я,
А мой труп леденеет в заполярном краю.
С азиатским акцентом держит речь он по-русски,
Сплюнет в желтые зубы и начистит сапог,
Смотрит повар немецкий, смотрит повар французский,
Как лосося с икрою уплетает мой Бог.
По его подбородку алый сок ручейками,
Жрет он кости и кожу, мозг съедает и плоть.
Тот лосось ему в жертву и коптился веками,
А он ждал терпеливо — Пусторотых Господь!

О ЯЦЕКЕ КАЧМАРСКОМ

Для поляков этот человек имел такое же значение, как для россиян — Владимир Высоцкий. Качмарского называли «бардом «Солидарности»», его песни были чем-то вроде гимна для интеллигенции (наверное, не только интеллигенции) во время подполья. Нет, не гимна — или не только гимна, они были для них большой поддержкой.

У него удивительно сильный и выразительный голос и очень интересные стихи: и осмысление происходящего сейчас, и история, и литература...

Он очень хорошо знал Россию, был знаком с Высоцким, написал цикл песен — вольных переводов из Высоцкого. Написал замечательную песню «Прощание с Окуджавой», удивительно хорошую, точно и тонко он понимал стихи Окуджавы.

В 1995 г., после погрома в чеченском селе Самашки, мы привезли в Польшу выставку фотографий из Самашек. Показ проходил в доме культуры, в небольшом городке Сваженц недалеко от Познани. А Яцек Качмарский был в это время в Познани и выступал по телевидению. Директор дома культуры Кшиштоф Гоздовский просто позвонил на телевидение и попросил передать Качмарскому, что тогда-то будет проходить открытие такой вот выставки. И Качмарский приехал и провел встречу со зрителями. Приехал к незнакомым людям, потому что — Чечня.

О нем много писали в Польше, издавали даже книги о его творчестве. А у нас, я боюсь, не будет никакого отклика на его смерть. И это очень грустно...

ПОЧЕМУ ХЕРБЕРТ

Когда меня спрашивают, кто мой самый любимый польский поэт, я отвечаю, что в польской поэзии, как и в русской, любимых поэтов у меня — многие десятки. Некоторых польских поэтов я не переводил, но люблю. Некоторых перевел по два, по три стихотворения. Некоторых переводил много: Стаффа, Ивашкевича, Пшибося, Милоша, Вирпшу, Ружевича, Херберта... Постепенно оказалось, что больше всех я переводил Херберта, перевел из него четыре тысячи строк (две тысячи строк опубликовал, а две тысячи все еще в столе), возвращался к нему на протяжении многих десятилетий особенно часто. Почему?

Попробую вспомнить и подумать.

Физики давно догадались, что характеристики наблюдаемого явления зависят от наблюдателя и его прибора. В литературе же личность и биографию переводчика традиционно принято оставлять «за кадром». Нарушу эту традицию.

В 1963 г. из поездки в Польшу мы с Натальей Астафьевой привезли тридцать или сорок книжек современных польских поэтов — они стали началом и ядром нашей домашней библиотеки польской поэзии. Среди них были две книги Збигнева Херберта — вторая и третья: «Гермес, пес и звезда» (1957) и «Исследование предмета» (1961). Первая книга стихов — «Струна света» (1956) — нашлась в московских библиотеках, где польская литература в начале 60-х была представлена неплохо. А вот второй книги Херберта мы оказались в те годы практически единственными в Москве обладателями. В московских государственных библиотеках эта книга была спрятана до 1989 г. в спецхране: видимо, какие-то стихи из этой книги не понравились нашим цензорам.

Может быть, не понравилась им «Песнь о барабане» — свидетельство тех послевоенных лет, когда поляков хотели научить «шагать в ногу». Херберт шел «не в ногу». Поэтому лишь в 1956 м он мог, наконец, издать первую книгу и только во второй книге, в 1957 м, когда в Польше цензурные рамки на короткое время раздвинулись, смог опубликовать некоторые «трудные» стихи. Среди них была и «Песнь о барабане» — стихи о том, что тоталитаризм уничтожает всякую музыку, кроме барабанной дроби. В более позднем стихотворении

«Могущество вкуса» Херберт уточнил: «остался» не только барабан, остался «ритм барабанов и свистулек». Херберт совпадает с шостаковичевским ощущением ритмов тоталитаризма: в Седьмой симфонии Шостаковича мы слышим малый барабан и духовые инструменты. «Как будто маршируют заводные куклы», — писал об этом фрагменте симфонии кто-то из музыкальных критиков. Вот этот марш заводных кукол мы слышим и видим в стихотворении Херберта.

Музыки Херберт касается редко. Гораздо ближе ему живопись и архитектура. Херберт — поэт-художник. Получивший дипломы юриста и экономиста, учившийся на философском факультете, он успел поучиться и в краковской Академии художеств и всю жизнь продолжал рисовать. Его стихи и эссе — это стихи и эссе художника, историка искусства.

Поначалу Херберт и привлек меня как поэт-художник и как поэт-историк, как античник и ренессансист. Я вырос в семье художника. Отец мой, живописец, человек широких интересов, по окончании петроградской Академии Художеств работал и в Русском музее, и в Эрмитаже, и в загородных дворцах-музеях, прекрасно знал историю искусства. Я впервые пришел в Эрмитаж в ноябре 1945 го двенадцатилетним школьником и с тех пор бывал там постоянно. Довоенная библиотека отца по искусству в годы войны погибла, но и после войны книги по искусству постоянно присутствовали у нас в доме. Всегда был на столе у отца какой-нибудь том многотомной антологии «Мастера искусства об искусстве». Книгу Джорджо Вазари (жизнеописания итальянских живописцев, ваятелей и зодчих), «Образы Италии» Муратова, итальянское путешествие Гёте, книгу Мережковского о Леонардо да Винчи, автобиографию Бенвенуто Челлини в великолепном русском переводе Михаила Лозинского — я прочел двенадцати-тринадцати лет. Не случайно одно из моих заглавных стихотворений оттепельных лет — десять лет спустя — называлось «Мастера» (о мастерах, которые «украсили своды и стены / Флоренции и Сиены»).

Естественно, что близки мне оказались такие стихотворения Херберта, как «Старые мастера» (или «Облака над Феррарой», русский перевод опубликован в московском журнале поэзии «Арион» в 1995 м), и его очерки об итальянских живописцах в книге «Варвар в саду». В итальянских залах Эрмитажа и отец мой (ходивший туда «поговорить со стариками», как он выражался, то есть пообщаться мысленно со старыми мастерами), и я бывали особенно часто.

И все же поначалу привлекли меня у Херберта не мастера Возрождения, а хербертовская античность.

Античность бывает у Херберта идеалом, «нормой», от которой мы ушли: например, в стихотворении «Почему классики», где достойному и честному полководцу и историку Фукидиду противопоставлены жалкие «генералы последних войн», или в стихотворении «Иона», где ветхозаветному пророку противопоставлены «современные Ионы», торопящиеся уклониться от трудной и опасной пророческой миссии. Но античность бывает у Херберта и метафорой (или метонимией) всей мировой истории, и тогда мы видим, что она была ничуть не менее страшной и жестокой, чем последующие эпохи. В стихотворении «У врат долины» библейская долина Иосафата оборачивается местом селекции людей, как в XX веке: в Освенциме, или при депортациях, или в фильтрационных лагерях; но тоталитарный кошмар XX века бросает свой отсвет и на ветхозаветную древность, высвечивает тенденции тоталитаризма и массового человекоубийства в сознании людей библейских времен. В стихотворении «Аполлон и Марсий» богом смерти и убийства оборачивается тот, кого мы привыкли считать богом искусства и света.

Античность приоткрылась мне — конечно, краешком — очень рано. У отца были книги по искусству (он часто перелистывал монографию о живописи Помпеи) и его собственные работы (хотя его большое блюдо «Орфей», его акварели с похищением Европы, цветные литографии с Вакхом и нимфами появятся лишь в 60-е годы). Были античные залы Эрмитажа (впрочем, греческие статуи там представлены в основном в римских копиях, в том числе «Марсий», которого я, конечно, помнил, переводя поэму Херберта «Аполлон и Марсий»). А первым введением в античность — для меня и еще нескольких начинающих ленинградских поэтов школьного возраста в литературной студии — были с осени 1946-го беседы с нами за круглым столом Моисея Семеновича Альтмана: о греческих мифах, об «Илиаде», об «Одиссее». Альтман — ученик Вячеслава Иванова, выдающегося русского поэта и выдающегося античника. Беседы Альтмана запали в душу на всю жизнь. Оказалось, что они были не только об античности: они были об идеалах. В своем стихотворении «Античник Альтман» я вспоминал: «...он идеал добра и красоты, / знакомый из Некрасова по школе, / дополнил истиной...»

Хербертовская античность — не столько эстетика, сколько этика, не музей мертвых мраморов, а жизнь людей, которые блуждают, ошибаются, сомневаются, вопрошают, ищут.

«Если я так часто в моей работе, — говорил Херберт, — обращаюсь к античным именам и темам, то делаю это не из кокетства... я хотел бы обстукать старые идеи человечества, чтобы установить, не звучат ли они — и где именно — пустым звуком. Я ищу также ответ на вопрос о том, какой смысл имеют для нас такие почтенные понятия, как свобода и человеческое достоинство. Я верю, что их великая обязывающая нас суть еще сохранилась».

Для меня и для моих ровесников, российских поэтов «оттепельного поколения», хербертовские приоритеты — «свобода и человеческое достоинство» — были приоритетами нашими. И установка на то, чтобы «обстукать старые идеи», ревизовать их, ревизовать самую историю (всемирную, а прежде всего свою, отечественную) в свете совести, — была нашей установкой.

И когда весной 1966 го я начал наконец переводить польских поэтов, Херберт был одним из первых. Уже несколько лет я следил за польскими журналами, давно уже назрело желание рассказать русским поэтам и любителям о польской поэзии и показать ее, поэтому я одновременно стал и переводить поляков, и писать о них статьи и очерки. Первый же мой очерк, обзор современной польской поэзии, весной 1966 го сразу же ушел в набор в «Вопросах литературы». Были там, разумеется, и слова о Херберте и строки стихов Херберта.

Начав переводить с польского, я перевел в первые же месяцы сотни строк из Херберта, поначалу это был главным образом «античный» Херберт. Некоторые переводы, например «Возвращение проконсула», будут опубликованы тридцать лет спустя, но и в первой моей большой публикации Херберта («Иностранная литература», 1973, №2) уже были и «Тамариск», и «Тускулум», и стихотворение в прозе «Классик».

Были в этой первой публикации также «Мона Лиза» и «Трен Фортинбраса». «Трен Фортинбраса» так потряс одного моего товарища, геолога, что он взял с собой этот номер журнала — нет, не на необитаемый остров, но в двухгодичную командировку в Африку; Херберт, узнав об этом от меня, очень радовался.

Было стихотворение из цикла «О Трое», где гибель Варшавы отождествлялась с гибелью Трои. Но было и стихотворение «Пролог», где трагедия Польши, новейшая история, дана была напрямую, без античных параллелей, сравнений и метафор.

...В день похорон на пустыре

как барабаны били бомбы
крест-накрест доски шлем дырявый
а в небе розой цвел пожар...
...И на досках простая надпись
как залпы кратки имена
«Гриф» «Волк» «Стрелок» но кто их помнит
ржавую краску дождь смывает...

В этих стихах о новейшей истории поэт-историк очень точен — в одной из книг о польском Сопротивлении я обратил внимание на псевдоним «Гриф» бойца 27 й дивизии Армии Крайовой, а с псевдонимом «Волк» в указателе другой книги о Сопротивлении нашлось пять человек.

Многие стихотворения Херберта о трагической истории Польши XX века написаны 4 стопным ямбом. В русской поэзии этот размер чересчур заезжен (еще Пушкин жаловался: «Четырехстопный ямб мне надоел, им пишет каждый...»), в польской же поэзии он появился, по существу, в XX веке, не распространен, не банален, у Херберта он звучит с большой силой: «Пролог», «Ответ» (мой русский перевод — «ИЛ», 2001, №8), «Пуговицы» (стихотворение о Катыни, мой русский перевод — «ИЛ», 1998, №8). Впрочем, ямбом (чаще безрифменным, белым, изредка с эпизодической рифмой) Херберт пишет с годами все реже, доминирует у него верлибр, правда, верлибр, в котором смутно чуть-чуть брезжат то польский силлабический 13 сложник, то «польский гекзаметр».

На протяжении 70 х годов в журнале «Иностранная литература» каждый год появлялись большие циклы польских поэтов (в переводах моих, Астафьевой, Эппеля), но мои переводы из Херберта, ставшего у нас опальным, в журнале появлялись второй раз только в 1990 м. Все эти годы Херберт был у меня в столе. И в моем сознании, в складывавшейся постепенно панораме польской поэзии XX века.

От Херберта я шел к Ружевицу и Стаффу. Стаффа и Херберта разделяет почти полвека, но они — земляки: оба — львовяне, обоих этих ренессансистов, итальянистов сформировал Старый Львов, который строили итальянцы. В 1964 г. мне посчастливилось провести два месяца в этом городе. Десять лет спустя в предисловии к томику Стаффа я выразил свою очарованность Львовом. Я послал тогда этот томик Херберту,

надписав на предисловии: «Zbigniewowi Herbertowi — rzecz o Staffie i o Lwowie» («Збигневу Херберту — вещь о Стаффе и о Львове»), он благодарил в письме «за прекрасные переводы Стаффа, за волнующую надпись». Херберт в стихах о родном городе (например, «Господин Когито думает о возвращении в родной город») не называл его по имени, но без названия Львов присутствовал у него всегда. И образ Львова, запечатленный в моей памяти, помогал мне вживаться в Херберта.

В 1969-м мою большую статью «Философия истории в современной польской поэзии: Стафф, Ружевиц, Херберт» зарезал один из жандармствующих литературных чиновников. Некоторые обломки этой статьи я использовал в очерке-тетраптихе о Ружевице, Херберте, Шимборской, Свирщинской в «Литературном обозрении» в 1974 м. Херберту я послал тогда этот журнал, он откликнулся письмом. В главке о Херберте центром разговора были «Тускулум» и «Возвращение проконсула», тема власти и тема гражданской ответственности. В том же году московский Институт славяноведения заказал мне для коллективного тома о польских писателях главу о Херберте, я написал ее, но, прежде чем книга успела уйти в набор, Херберт попал в черный список, и какие-либо публикации его или о нем отпали надолго.

А как раз в 1974 г. вышла совершенно новая его книга, которую он сразу же прислал мне, — «Господин Когито». Это был роман в стихах, роман, komponующийся из отдельных стихотворений, о жизни, о проблемах, о ситуации интеллектуала второй половины XX века, интеллектуала польского, или шире — восточноевропейского, или еще шире — интеллектуала в любой стране Европы и обеих Америк. В начале 70-х годов я переводил и публиковал стихи прекрасного американского поэта Джона Берримена. Он тоже написал тогда (незадолго перед самоубийством) подобный роман в стихах, герой которого — американский интеллектуал мистер Боунз, Генри Боунз или просто Генри, иногда это профессор, как сам Берримен, иногда поэт, как сам Берримен. Но герой книги Берримена — именно американец. Герой же книги Херберта — интеллектуал Обоих Полушарий. Такой книги ждала мировая литература. Американские поклонники Херберта даже начали издавать журнал «Mr Cogito». Грустная книга Херберта отвечала и мне, как любому думающему человеку. Двадцатый век был веком, казалось бы, многих побед интеллекта, но стал веком краха интеллектуалов. Херберт и пишет об этом крахе, пишет о современном интеллектуале-неудачнике, потому что все интеллектуалы оказались неудачниками. Но его герой — и

автор — противостоят своему веку и своему неудачничеству стойко и мужественно.

Проповедью стойкости и мужества был «Рапорт из осажденного города», я читал его поначалу в полуслепой книжечке варшавского самиздата, потом Херберт прислал мне из Парижа ксерокопию парижского издания книги.

«Рапорт из осажденного города», самая гражданская книга Херберта, была несколько неожиданно посвящена — жене. И даже не Катажине, а Касе, в уменьшительно-ласкательной, домашней форме (пани Катажина, урожденная Дзедушицкая, стала женой Херберта в 1968 году). Перемены в сторону приватности, домашности, откровенности (даже когда Херберт продолжает говорить от имени Господина Когито) происходят уже в этой книге. Продолжаются они и в следующих.

Мои переводы из «Когито», из «Рапорта», из последних трех — самых откровенных и автобиографичных — книг Херберта «Элегия на уход», «Ровиго», «Эпилог бури» смогли появляться у нас с 1990 года. Учитывая многолетний стаж нашего заочного знакомства, нашей переписки, Херберт разрешил мне опубликовать в 1990 м его цикл в Москве, хотя в отношении изданий в Польше в тот момент еще колебался. В последующие годы публикаций моих переводов из Херберта было много — и в «Иностранной литературе» (1990, 1998, 2001), и в «Новом мире» (1995), и в «Арионе» (1995), и в «Новой Польше» (1999, №3, один из первых номеров журнала).

Строк пятьсот-шестьсот из «Господина Когито» напечатал журнал «Феникс-ХХ» (1993) — жаль, что журнал выходил малым тиражом, а потом угас. Но Херберт эту мою публикацию прочел, мы были с Натальей Астафьевой у Збигнева и Катажины Хербертов в феврале 1994 го, когда приезжали получать премии Польского ПЕН-Клуба. И еще была одна встреча, в конце того же года.

А потом были две его короткие открытки, в 1996 м и 1997 м. В одной, с видом Венеции, Херберт писал: «Уход Иосифа Бродского я ощущаю очень болезненно. Он навестил меня в Варшаве. Я очень его ценил как человека большого сердца и превосходного мастера». Это было в постскриптуме, а о себе: «Со здоровьем у меня чуть лучше... Борьба с костлявой продолжается, и, кажется, впервые — несколько очков в мою пользу. Начал немного работать... Часто и сердечно вспоминаем нашу встречу в Варшаве. Когда увидимся снова?..» Другая открытка, с букетом цветов, воспроизводящая крестьянский рисунок из родной для Херберта Галиции, была еще короче:

«Отвечаю с таким большим опозданием, хлопоты со здоровьем, которое согласно закону природы ухудшается». А ниже, отдельно: «Jadę coraz szybciej saneczkami w dół» («Еду все быстрее саночками вниз»). Эти две строки (стихотворные? хореические? фольклорные?) записаны прозой. У древних славян (это известно, в частности, из записей этнографов в Галиции) стариков, провожая на тот свет, зимой вывозили на санях и спускали в глубокий овраг.

Три последние книги Херберта — не только «Элегию на уход» — он посвятил тому, что ушло или уходит, он писал об уходящем двадцатом веке. Уход самого Херберта обозначил конец XX века в польской поэзии.

Но его неопубликованные стихи и эссе продолжают публиковаться, вышла книга «Лабиринт у моря» (а еще в письме от 26.VIII.1974 он писал мне о ней: «Кончаю в великих муках книгу о моих исследованиях бассейна Средиземного моря...»). Выходят книги о нем, воспоминания о нем, его переписка. Катажина Херберт или другие варшавяне присылают нам эти книги.

В своих последних книгах стихов Херберт как бы спустился с высоты и стал «как все», оказался человеком, у которого были бабушка, отец и мать, учителя, друзья, привязанности, причуды... Этот «последний Херберт» мне лично был едва ли не еще более близким, чем прежний. Может быть, потому, что с годами сгладилась десятилетняя разница в возрасте. Как бы то ни было, ощущение близости, которое подвигло меня много лет назад взяться за переводы из Херберта, не было обманчивым.

См. в том же номере: подборка переводов Британишского из Херберта.

Збигнев Херберт

СТИХИ

Из книги «ГЕРМЕС, ПЕС И ЗВЕЗДА»
(1957)

У ВРАТ ДОЛИНЫ

После огненного ливня

на луговине пепла

под стражей ангелов столпились
толпы

с уцелевшего взгорья

мы можем окинуть взором

блеющее стадо двуногих

правду сказать их немного

добавляя даже тех что придут
позже

из житий святых из хроник сказок

но довольно этих рассуждений

перед нами

горло долины

из которого рвется крик

после свиста взрыва

после свиста тишины по взрыве

этот голос бьет как источник живой
воды

это как нам объясняют

крик матерей от которых оторваны
дети

ибо как оказалось
спасены мы будем поодиночке
ангелы-хранители беспощадны
надо признать у них тяжелая
работа
она его просит
— спрячь меня в зенице ока
в ладони в объятьях
мы всегда были вместе
ты не можешь теперь меня
оставить
когда я умерла и нуждаюсь в
нежности
старший ангел
с улыбкой разъясняет
недоразуменье
старушка тащит
трупик любимого кенаря
(все животные умерли чуть
раньше)
он был такой милый —
рассказывает она со слезами
все понимал
что скажешь
голос ее заглушается общим воплем
даже лесоруб
о котором трудно подумать такое
старый сторбленный мужичище
прижимает к груди топор

— он всю жизнь был мой
и теперь тоже будет мой
он кормил меня там
прокормит тут
не имеете права — говорит он —
не отдам
те которые как кажется внешне
без боли подчинились приказам
идут опустивши головы в знак
примиренья
но в стиснутых кулаках прячут
ленты пряди волос обрывки писем
и фотографии
которые как думают наивно
отобраны у них не будут
так они выглядят
за мгновение
до того как окончательно их
поделят
на тех кто скрежещет зубами
и тех кто поет псалмы

Из книги «РАПОРТ ИЗ ОСАЖДЕННОГО ГОРОДА» (Париж, 1983)

ЧТО Я ВИДЕЛ

Памяти Казимежа Мочарского^[1]

Я видел пророков рвавших приклеенные бороды
фальшивомонетчиков вступавших в секту бичующихся
палачей переодевшихся в овечьи шкуры

и уходивших от гнева народа

играя на пастушьей дудке

я видел видел

я видел человека которого подвергали пыткам

он сидел теперь в безопасности в кругу семьи

рассказывал анекдоты ел суп

я смотрел на его раскрытые губы

десны — две веточки терна с которых содрали кору

это было невероятно бесстыдно

я видел всю наготу

все унижение

потом

торжественный вечер

много людей цветы

душно

кто-то говорил об искажениях ^[2]

я думал о его искаженных устах

или это последний акт

пьесы Анонима

плоской как саван

полной глухих рыданий

и хохота тех

которые убедившись

что им опять удалось

убирают со сцены мертвые реквизиты

и медленно

подымают

обрызганный кровью занавес

1956

17. IX

Юзефу Чапскому^[3]

Моя беззащитная родина примет тебя захватчик
и дорога по которой Ясь и Малгося топали в школу
не разверзнется бездной

Реки слишком ленивы не склонны к потопам
рыцари спящие в горах спать будут дальше
стало быть ты легко войдешь незванный гость

Но сыновья этой земли сойдутся ночью
смешные карбонарии заговорщики свободы
будут чистить свои музейные ружья
присягать будут птице и двухцветному флагу
А потом как всегда будут зарева взрывы
мальчишки как с картинки бессонные командиры
груз поражения за плечами ржаво-рыжие поля славы
бодрящее знание что нам никто не поможет

Моя беззащитная родина примет тебя захватчик
и даст тебе сажень земли под ветлой и тебя упокоит
чтобы те что придут после нас учились снова
труднейшему из искусств — искусству прощать

МОГУЩЕСТВО ВКУСА

Профессору Изидоре Домбской^[4]

Наш отказ несогласие наше упорство

силы характера не требовали вовсе
была у нас малость необходимой отваги
но в сущности это было дело вкуса
Да вкуса
в котором есть волоконца души и хрящики совести
Кто знает если бы нас искушали умней и красивей
женщинами розовыми плоскими как облатка
или фантастическими существами с картин Иеронима Босха
но каков был в то время ад
грязная яма закоулок убийц барак
названный дворцом справедливости
самогонный Мефистофель в ленинской куртке
рассылал по нашей стране внучат «Авроры»
мальчиков с картофельными лицами
девчонок-замухрышек с красными руками
Поистине их красноречье было чересчур низкопробным
(Марк Туллий в гробу переворачивался наверно)
убогие тавтологии два-три дубовых понятия
диалектика палачей никакого изящества мысли
синтаксис лишен красоты сослагательного наклоненья
так значит эстетика может пригодиться в жизни
не следует пренебрегать наукой о прекрасном
Прежде чем соглашаться мы должны исследовать тщательно
формы архитектуры ритм барабанов и свистулек
официальную геральдику хамский ритуал похорон
Наши глаза и уши отказались повиноваться

принцы наших чувств выбрали гордое изгнание
Силы характера не требовалось вовсе
была у нас малость необходимой отваги
!!но в сущности это было дело вкуса
Да вкуса
который велит нам выйти с брезгливой гримасой с усмешкой
пусть даже за это упадет голова бесценная капитель тела

Из книги «РОВИГО» (1992)

РОВИГО

СТАНЦИЯ РОВИГО. Неясные ассоциации. Трагедия Гете
или что-то из Байрона. Я проезжал Ровиго
эн раз и именно в энный раз
понял что во внутренней моей географии это
особое место хотя оно и уступает
Флоренции. Я его не коснулся стопою
городок этот всегда приближался или убегал назад
Я жил тогда любовью к Альтикьеро
из оратория Сан-Джорджо в Падуе и к Ферраре
которую я обожал потому что напоминала
отнятый город отцов. Я жил растянутый
между прошлым и данной минутой
многократно распятый временем и пространством
Однако счастливый и верящий крепко
что жертва не будет напрасной
Городок не отличался ничем особенным был он
шедевром обыкновенности улицы прямы дома некрасивы

лишь до или после (в зависимости от движения поезда)
вырастала гора перерезанная красной каменоломней
похожая на пасхальную ветчину среди листьев салата
Больше ничего что могло бы привлечь удивить опечалить
А ведь это был город из крови и камня — такой как другие
город где вчера кто-то умер а кто-то обезумел
кто-то всю ночь безнадежно кашлял
ПОД ЗВОН КАКИХ КОЛОКОЛОВ ЯВЛЯЕШЬСЯ РОВИГО
Сведенный к станции к запятой к зачеркнутой букве
ничего кроме станции — *arrivi* — *partenze*
почему же я думаю о тебе Ровиго Ровиго

(См. в том же номере: Владимир Британишский,
Почему Херберт)

-
1. **Казимеж Мочарский** (1907–1975) был репрессирован в годы Сталина — Берута. По освобождении написал «Записки», они изданы в Варшаве посмертно, в 1990 г., теперь эта книга открывается стихотворением Херберта «Что я видел».
 2. Начиная с 1956 г., предыдущий период в Польше принято было называть «периодом ошибок и искривлений» (в Советском Союзе — периодом «культа личности»).
 3. **Юзеф Чапский** (1896–1993) — польский художник, писатель, мемуарист, эссеист, литературный и художественный критик. В сентябре 1939 был в армии, после 17 сент. 1939 взят в плен советскими войсками, был в лагерях польских военнопленных в Старобельске и Грязовце (впоследствии — автор книги «На бесчеловечной земле»); с 1941 г. — в армии генерала Андерса, участвовал в итальянской кампании, с 1945 г. жил в Париже.
 4. **Изидора Домбская** (1904–1983) — философ, окончила университет во Львове, там же защитила диссертацию (1927), в 1930–1939 преподавала во львовских гимназиях, в 1950 была отстранена от преподавания в университете, в 1957–1964 руководила кафедрой истории философии в

Ягеллонском университете в Кракове. Херберт познакомился с ней в послевоенные годы.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Польша — страна католическая, это знает всякий, это подтверждают и многочисленные исследования. Неслучайно в августе 1980 г. одним из требований забастовщиков на Гданьской судовой верфи, носившей тогда имя Ленина, была трансляция воскресной Божественной литургии по радио и телевидению. Что такое, однако, Церковь в сегодняшней Польше, какую она играет роль, как относится к демократии и как относятся верующие к Церкви? Этой проблематике посвящен интересный блок материалов в последнем номере варшавского ежеквартального журнала «**Res Publica нова**» (2004, №2). Подборку текстов открывает статья Мартина Круля «Горькие сожаления»:

«Почти все мы в Польше воспитаны в католических семьях, почти все прошли через основные таинства, и почти все, как показывает статистика, более или менее ходим в церковь. И уж наверняка все мы хотим, чтобы наши дети венчались, а до того приняли причастие и миропомазание. Во всех этих сферах секуляризация не сыграла в Польше значительной роли — точнее, не сыграла роли в польских нравах, ибо мы недостаточно знаем, насколько сильны во всех этих случаях чисто религиозные побуждения».

Тем не менее и у нас с Церковью затруднения, и у Церкви затруднения с нами. Это означает всего лишь, что Церковь давно уже перестала восприниматься как монолит и что верующие в Церкви выбирают свой путь. При этом не все духовенство способно ответить на их чаяния:

«Я слышу, — пишет Круль, — что молодежь ездит в воскресенье через пол-Варшавы, чтобы послушать священника, который известен умными проповедями. Некоторые из них жалуются, что есть Церковь умных священников и, мягко говоря, менее умных. (...) Я понимаю, что нельзя ожидать, чтобы тысячи священников, окормляющих паству в Польше, все до одного обладали выдающимися талантами и харизмой, но затруднение остается, потому что я не хочу, чтобы воскресная проповедь скорее смешила меня или возмущала, а это уже стало почти правилом; в лучшем случае она лишь наводит на меня скуку».

Разумеется, к этому можно отнести как к нареканиям интеллигента, которому недостаточно авторитета священника, вытекающего лишь из того, что он священник. А Церковь, как подчеркивает Круль, «не любит интеллигентов и часто справедливо сомневалась в их способности соблюдать догматические предписания и повиноваться иерархии». Подводя итог такого отношения духовенства, он прибавляет: «При демократии интеллигенция не может задавать тон в Церкви».

Не может, так как интеллигентское понимание веры слишком сложно для основной массы верующих. Церковь выбирает скорее тех священников, которые способны дойти до этой основной массы. Выбирает их даже тогда, когда, как это происходит с пресловутым «Радио Мария», эти священники гласят шовинистические взгляды, которые не должны быть терпимы в Церкви. Иерархия поступает здесь, можно сказать, диалектически:

«Иногда она призывает «Радио Мария» к порядку, но его роль в существующей в Польше системе пропаганды веры, по мнению большинства членов епископата, настолько существенна, что не может быть и речи о каком бы то ни было запрете деятельности радиостанции. (...) иными словами, Церковь не осуждает того, как «Радио Мария» ведет учительство, ибо по сути дела эта практика общераспространена и за пределами радиостанции, в обычных повседневных поучениях большинства духовенства. Из этого следует, что Церковь не нашла способа обеспечить иное учительство в изменившиеся времена».

В таких обстоятельствах возникает склонность говорить о существовании как бы двух Церквей: той, что занимается «различными формами пропаганды для малых сих», и той, что отвечает потребностям тех, кто в вере «ищет эсхатологический аспект». Но на самом деле это не так:

«...говорить о двух Церквях в Польше и о глубоком разделении нет особого смысла. Есть только одна Церковь, и есть люди, потребностей которых Церковь не удовлетворяет, в результате чего они ведут поиски отчасти своими силами, отчасти при помощи не слишком многочисленных глубже мыслящих священников. Но это и всегда так было, только пропорции менялись. Попросту людей образованных и мыслящих глубоко, а также обладающих сильно укорененным чувством свободы совести теперь пропорционально стало гораздо больше, и в результате то явление, которое можно назвать верой рядом с верой, верой частной, индивидуальной, подвергающей

сомнению отнюдь не догматы, а всего лишь мир представлений, господствующих в польской Церкви, стало куда значительней, чем прежде. А иерархическая Церковь совершенно с этим не справляется и способна лишь осуждать».

Это значит, что увеличивается число людей, которые «ставят себя вне Церкви как института». Причем речь идет не о «приватизации религии». Речь идет, продолжает Круль, «о ее «паскализации», т.е. о сведении к духовному и внеинституциональному — наконец, внеразумному — аспекту. Такая вера не требует размышлений, она очень проста и ускользает от всякого рационального анализа. Это, конечно, не то явление, с которым мы имеем дело в Польше. Рационализм и сциентизм стали идеей-фикс всей западной цивилизации. Однако Польша — дело особое, ибо в Польше вера всегда стояла выше разума. Неслучайно у поляков так мало католических мыслителей или того, что мы с известными сомнениями определяем как христианскую философию. (...) А в результате этого в польской Церкви выработался антиинтеллектуальный синдром».

В Польше ссылались скорее на «простонародную веру»:

«Сегодня исследователи религиозности, светские и церковные, всё тверже знают, что эта простонародная вера (...) — скорее форма обряда, нежели какого-то безграничного верования, которое не нуждается ни в рациональных соображениях, ни даже в размышлениях об истине. А из этого вытекают последствия для преподавания религии, в особенности для обучения молодежи. Очень много говорят насчет простой, не замутненной никакими сомнениями веры, при этом говорят это людям, у которых в этом возрасте как раз больше всего сомнений, и не только религиозных».

В долгосрочной перспективе такой подход может принести затруднения:

«...делая ставку (...) на простую веру в большей степени, чем на сложную связь веры и разума, польская Церковь выбирает легкий выход, однако в наше время, когда все больше образованных и мыслящих людей, такой выбор опасен для будущего Церкви и дурен для верующих».

Круль указывает тенденцию ставить нравственные поучения выше философствования:

«Я прекрасно знаю, что вмешиваться во все процессы цивилизации — отнюдь не задача Церкви, но неверно и то, что

Церковь должна иметь лишь умеренную или прямо аскетическую паству. Думаю, что наряду с осуждением потребительского духа (...), осуждением справедливым, в Церкви должны делаться и попытки преобразить современную цивилизацию. В конце концов, Церковь совершала такие преобразования, такие духовные перемены уже неоднократно — от Контрреформации до Аджорнаменто. Наверное авторитет Церкви сегодня не так силен, как несколько столетий назад, зато идейный вакуум, характеризующий современную цивилизацию, дает удобный случай формулировать и, возможно, принимать новые предложения. С одним, однако, условием: что они не будут сводиться исключительно к критике всего современного и к поучениям, как по языку, так и по содержанию почерпнутым из иной эпохи».

Наконец Круль поднимает вопрос о взаимозависимости между Церковью и демократией:

«Я, естественно, не требую, чтобы Церковь стала таким же демократическим институтом, как множество других. Однако все мы привыкли к тому, что знаем не только почему принимаются те или иные решения, но и почему людей выбирают или назначают на те или иные посты (...). Мы хотим обладать (...) и некоторым надзором над решениями, которые нас косвенно или прямо затрагивают. Церковь же (...) так защищается от хотя бы частичной гласности и частичного контроля, что создается впечатление, будто с тех времени, когда армия вышла из-под контроля военных, Церковь осталась последним институтом, который во имя традиций, понимаемых как чистый консерватизм, не хочет признать неопасных для него принципов. (...) Церковь пока что не готова к самому умеренному приятию и впитыванию новых элементов демократической жизни (...). Ибо Церковь (...) правильно не принимая современность как таковую, в то же время — неправильно — отказывается понять (и сделать из этого выводы), что она существует в современном мире, на который можно влиять и который стоит менять, но не методами прежних времен».

Если Круль занимается жизненными (по крайней мере для некоторых) проблемами верующих, то Иоанна Подгурская в «Политике» (2004, №14) занялась делами неверующих. В статье «Практикующий неверующий» она демонстрирует один из парадоксов польской церковно-духовной жизни, состоящий в том, что люди скрывают свое неверие:

«Мы живем в стране, где распятия висят во всех государственных и общественных учреждениях и где

продолжает действовать стереотип поляка-католика. В государственной школе полагается сообщить, будет ли ребенок ходить на Закон Божий, а учебный год начинается мессой. В публичной дискуссии декларация атеизма стала чем-то неуместным и ставит заявившего такое в ряды врагов Церкви и Папы-поляка. (...) От публичного раскрытия неверующих удерживает свежая историческая память: на протяжении полувека отношение к Церкви регулировалось политическими эмоциями. Демонстрация связи с Церковью была почти тождественна декларации оппозиционности. Атеизм же в свою очередь ассоциировался с объявленной государством борьбой против религии».

Отсюда возникло по сей день продолжающееся общественное давление, избавиться от которого довольно трудно:

«Как большинство неверующих ради святого спокойствия крестит детей, так же, опасаясь остракизма, они записывают своих детей на уроки Закона Божия. Тем самым ребенок получает практический урок лицемерия и конформизма, а также подтверждение тому, что неверие — это некое исключение, которое следует скрывать. Остальное зависит от ума и такта законоучителя. (...) Если брать в целом, то опасения массовой дискриминации детей, которые не ходят на Закон Божий, не подтвердились. Наоборот, в некоторых школах на них смотрят как на привилегированных: у них лишний свободный час, им не надо заучивать формулировки или приносить законоучителю листочки с переписанными грехами. Однако проявлений нетерпимости немало. (...) Хуже всего дела выглядят в провинции, где неучастие в религиозном культе недвусмысленно воспринимается как провокация против католического общества. (...) Неписанный принцип, согласно которому если ты в Польше не католик, то стесняйся и сиди тихо, приводит к тому, что неверующие взрослые нередко чувствуют себя как терпимые чужеземцы».

Создалась и практика религиозной цензуры:

«Оскорбление религиозных чувств — аргумент, который все сильнее влияет на культурную жизнь в Польше. (...) Имена некоторых художников подвергнуты запрету. Их выставки наталкиваются на протесты еще до открытия, и хотя никто их еще не видел, но в прокуратуру уже поступают доносы об их преступном характере. (...) Схоже выглядит и ситуация в польских кинотеатрах. «Последнее искушение Христа» Мартина Скорсезе так и не появилось в польском кинопрокате».

Эта проблема находит свои последствия и в общественно-политической жизни:

«Хочешь не хочешь, а неверующие финансируют Церковь. (...) Довольно частая практика — дары властей города местной епархии в виде земли или недвижимости (...). Переход государственных и муниципальных средств в руки Церкви — еще одна тема, на которую в Польше не удастся вести нормальный разговор, ибо он может раздражить иерархов и вызвать обвинения в заядлом антиклерикализме. (...) диалога и дружественного сосуществования неверующих с Церковью не облегчает и тот факт, что польский антиклерикализм иногда приобретает довольно гнусную форму. Он бывает ядовитым, не переносящим возражений, готовым бросаться в атаку. Нетерпимое течение в Церкви вырастило брата-близнеца. (...) Разумеется, антиклерикалы и неверующие — не тождественные множества. (...) неверующим важно, с каким католичеством они живут в одном государстве. Будет ли это католичество о. Рыдзыка [создателя «Радио Мария»] (...) или католичество — вечная ему память! — о. Тишнера [капеллана «Солидарности», открытого к взаимопониманию автора книги «Польский вид диалога»]».

И это действительно важный вопрос, ибо он касается духовного состояния самой Церкви. Тем более важный, что со вступлением Польши в Евросоюз католическая Церковь должна будет позаботиться о своем состоянии больше, нежели делала это до сих пор.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Уже 400 лет подряд в Страстную пятницу толпы паломников проходят Крестный путь в Кальварии-Зебжидовской. «В Кальварии одни чувствовали себя на своем месте, другие — нет. Одни плакали, другие фотографировали красочное зрелище», — написал журналист «Газеты выборчей». «Действие святых мест часто заключается в том, что человек приезжает в скептическом настроении, просто чтобы посмотреть, а уезжает с вопросом. И это важно», — говорит куратор святыни о Владислав Васько. Другая культивируемая в Польше пасхальная традиция — сооружение Гроба Господня. «Наряду с символикой, лаконичностью, строгостью в них есть и повествование, и даже словоохотливость, а также яркое оформление, полное намеков на современность с ее проблемами, — пишет Дорота Ярецкая. — Такие волнующие чувства композиции поддерживают традиции военного положения, периода оккупации и разделов, когда Гробы Господни в польских костелах приобретали патриотическое значение, а поклонение им было формой политической манифестации».

• В Тель-Авиве на 76-м году жизни скончался Фредерик Эфраим Стен — актер, переводчик, организатор театральной жизни. Ему принадлежит заслуга появления на театральных подмостках Израиля пьес Мрожека и Гомбровича. Он также переводил Ивашкевича и Налковскую. Родился он в Золочеве, войну пережил, прячась у крестьян. В Польше получил высшее образование, несколько лет руководил гданьской эстрадой, был одним из основателей кабаре ПРО. В 1957 г. уехал в Израиль, где играл в театре, вел радиотеатр, а позднее был директором культурно-зрелищного отдела телевидения.

• В Варшаве вручены «Викторы-2003» — премии, присуждаемые в различных категориях самым популярным телевизионным личностям года. Самым популярным политиком был признан Ян Рокита, однако больше всего аплодисментов досталось чемпиону мира по прыжкам с трамплина Адаму Малышу, который несомненно обеспечил польскому телевидению наибольшее число зрителей. Статуэтки получили также Беата Тышкевич, Роман Полянский

и победивший в зрительском конкурсе ведущий информационной программы «Вядомости» Камиль Дурчок.

- 1 апреля в Киеве состоялось торжественное открытие Года Польши на Украине, проходящего под девизом: «Польша и Украина — вместе в Европе». «Цикл мероприятий должен свидетельствовать о том, что две наши страны интересны друг другу», — написал Марек Микос. Польский министр культуры Вальдемар Домбровский заверил: «Мы не хотим, чтобы после нашего вступления в Евросоюз на Буге возник какой бы то ни было, пусть даже тюлевый занавес». А Александра Коваль, организатор проходящей во Львове Международной книжной ярмарки, в беседе с польским журналистом сказала: «Мы рады Году Польши. Мы рассчитываем, что Польша будет по крайней мере так же агрессивна на Украине, как Россия (...) Я убеждаю людей переводить польские книги, популяризировать их и выпускать на наш рынок. Польских же инвесторов и издателей я призываю устанавливать с нами тесные контакты». Будущий год станет Годом Украины в Польше.

- В списках бестселлеров к бесспорно лидирующей в последнее время Катажине Грохале («Никогда в жизни», «Сердце на перевязи») и пытающемуся догнать ее Ежи Пильху («Город терзаний») присоединилась Йоанна Щепковская. Сборником рассказов «Эпизоды из жизни зеркала» эта замечательная актриса напоминает, что она, кроме всего прочего, — внучка Яна Парандовского. «Дебютантский сборник, — пишет критик, — представляет собой образец прекрасной остроумной прозы, написанной очень впечатлительным человеком». В категории документальной литературы уже долгое время лучше всего расходятся сборник политических эссе Томаша Лиса «Что происходит с этой Польшей?», воспоминания необыкновенно популярной актрисы Беаты Тышкевич «Не все на продажу», слегка шутливая, исполненная мудрости книга крупнейшего современного польского философа Лешека Колаковского «Мини-лекции о макси-проблемах», а также сборник воспоминаний режиссера и сенатора Казимежа Куца «Заслуженные портреты». «Хорошо, что разрозненные воспоминания о людях, которых уже нет, оказались в одном маленьком сборнике (...) [эти портреты] набросаны с исключительным писательским талантом, благодаря которому даже Эдвард Герек становится трагическим героем».

- Все лучше раскупается дебютантская книга Мариуша Маслянки «Детдом». «Это волнующая, основанная на переживаниях самого автора история мальчика, воспитывавшегося вместе с братьями и сестрами в детском

доме. Описание «второй жизни» этого воспитательного учреждения напоминает анализ тоталитарной организации», — пишет критик газеты «Жечпосполита». Сегодня 30-летний Маслянка — надежда польской литературы.

- Стоит также отметить новые книги известных, всеми любимых писателей. Марек Новаковский опубликовал сборник рассказов «Нуль», в котором он, как пишет Кшиштоф Маслонь, «продолжает держать руку на пульсе современности; если раньше он искал свои темы среди «отбросов общества», то теперь источником его вдохновения стала бизнес-среда». О книге Яцека Бохенского «Капризы пожилого человека» написал Павел Т. Фелис: «78-летнему автору слишком хорошо известно, что роль старца дает особые права (...) Он выбирает гиперболу, сгущение красок, иногда (особенно в описаниях современности) карикатуру. Он перевоплощается то в мудреца, то в пророка, то в наивного моралиста и брюзгу (...) Капризничает он просто невыносимо. Ибо разве не каприз в наши дни — писать серьезно, смело, с ироничным безрассудством?»

- Премию журнала «Одра» за 2003 год получила Эва Липская за сборник стихов «Я».

- То, что Краков — город поэзии, известно давно. Здесь живут и пишут Чеслав Милош и Вислава Шимборская, сюда переехал из Парижа Адам Загаевский, сюда после долгого пребывания в Вене вернулась Эва Липская. Может быть, поэтому актрисе Анне Дымной пришло в голову организовать воскресные поэтические утренники в фойе Театра им. Словацкого. Успех этой инициативы превзошел все ожидания: каждую неделю перед театром выстраивается очередь, в которой стоят люди разного возраста. «Празднично одетые любители поэзии с культурной улыбкой и чашечкой кофе в руках слушают, как великие артисты читают стихи великих, признанных и всенародно любимых поэтов, — пишет Катажина Яновская. — Молодая поэзия может попасть в салон Дымной при условии, что она будет уравновешена авторитетами. Такой «танец на канате» продолжается уже два года».

- На решетке варшавского парка Лазенки появилась выставка «Я — Гомбрович», организованная в рамках Года Гомбровича. На больших стендах размещены фотографии и цитаты. Может быть, такая экспозиция лучше приблизит широкой публике творчество этого элитарного писателя, чем замечательные, но слишком уж ученые конференции.

• В Варшаве умер писатель, эссеист и знаток античности Зигмунт Кубяк. Критик газеты «Жечпосполита» написал о нем так: «Я обожал его стиль, в котором мне больше всего нравилось то, что других приводило в бешенство: отступления, намеки, посторонние размышления (...) Для влюбленного в античность Зигмунта Кубяка Римская империя была образцовой моделью государства, что в какой-то степени объясняет отношение писателя к противоречиям между античностью и христианством». «Тоталитаризм, — писал сам Кубяк, — вырастает не из общественного протеста. Он вырастает из мечты интеллектуалов о «новом человеке», который был бы лучше, чем то несовершенное существо, что уже столько тысяч лет бродит по земле».

• Ансамбль «Манаам» существует уже почти 30 лет, но, несмотря на это, до сих пор имеет многочисленных поклонников. Недавний «концерт, представляющий их новый диск, — пишет рецензент, — подтвердил, что «Манаам» — концертная группа. Ансамбль исполнил как свои лучшие хиты, так и песни из нового альбома «Особые приметы». Последние звучали гораздо лучше, чем на записанном в студии диске (...) Это оценила публика, одинаково радуясь и аплодируя после каждой песни».

• В этом году пасхальный Бетховенский фестиваль, который до сих пор был украшением Кракова, впервые прошел в Варшаве. «Варшава — динамичный город симпатичных людей. Вместо телег — музыка Бетховена!» — о таком облике города сообщала заботились организатор фестиваля Эльжбета Пендерецкая и спонсоры, владельцы лучших варшавских отелей. «Я с большим интересом наблюдал за перенесением этого мероприятия из Кракова в Варшаву, — пишет Яцек Марчинский. — Сегодня можно сказать, что трансплантация прошла успешно (...) В этом году фестиваль был обращен не к меломанам с утонченным вкусом, а скорее к тем, кто не имеет постоянного контакта с музыкой (...) Бетховенский фестиваль не станет ни мероприятием авангарда, ни местом музыкальных открытий. Он вне всякого сомнения будет базироваться на известном каноне, уровень которого должен быть самым высоким». «Не обошлось без спорных моментов, но значительное число удачных концертов позволяет сделать вывод, что фестиваль удался», — подводит итог Анна Дембовская.

• «Трагические события в Мадриде легли тенью на наш праздник, 43-й Международный день театра. Независимо от того, показал ли тем самым свое худшее обличье злополучный дух времени или это был очередной сигнал, возвещающий на

пороге XXI века начало беспощадной, кровавой борьбы за концепцию человека, — театр не может молчать. Он должен принять участие в этом споре», — написал в обращении по случаю Международного дня театра выдающийся режиссер Ежи Яроцкий.

- Одной из первых реплик в этом споре стала подготовленная для телевидения необычная постановка шекспировского «Гамлета», осуществленная в соляных копиях в Величке. О спектакле говорит его постановщик Лукаш Барчик: «Мне не кажется, что этот шедевр Шекспира нужно вписывать в окружающие нас реалии (...) чтобы современный мир нашел свое прямое отражение в трагедии, написанной четыреста лет назад (...) По-моему, «Гамлет» — это спектакль, описывающий процесс индивидуализации главного героя, показывающий, как он становится самим собой (...) Один из способов достичь этого — участие в тайне. Она-то и выделяет нас из окружающей действительности».

- Варшавская Академия художеств отмечает 100-летие со дня своего основания. В связи с этим предусмотрены художественные выставки, выпуск юбилейных медалей и марок. Недостает только празднества, которое привлекло бы к юбилею внимание широкой публики, — чего-нибудь вроде планировавшейся парусной регаты или уличного шествия. И хотя официально празднование столетия академии уже началось, организаторы клянутся, что еще ничего не потеряно и программа может стать гораздо более привлекательной по мере реализации...

- В Варшаве прошел очередной всепольский слет любителей фантастики «Конкрет-2004». «Слет — это событие, подчиняющееся собственным законам, — сказал один из его организаторов Витольд Секежинский. — Нам помогает фантазия. Что мы делаем? Разговариваем, играем, читаем, обмениваемся мнениями, смотрим фильмы фэнтези, иногда странно выглядим — например, как гномы или эльфы. Кроме того на слете имеет хождение собственная валюта — креты, которые можно заработать, работая при подготовке какого-нибудь мероприятия». Пожалуй, ни один литературный жанр не спланирует вокруг себя столько людей, сколько фэнтези, уверяет одна из лучших польских писательниц фэнтези Анна Бжезинская, по образованию медиевист. Ну что же, может быть, это действительно лучший способ оторваться от действительности... Чего иногда мы желаем себе и нашим читателям.